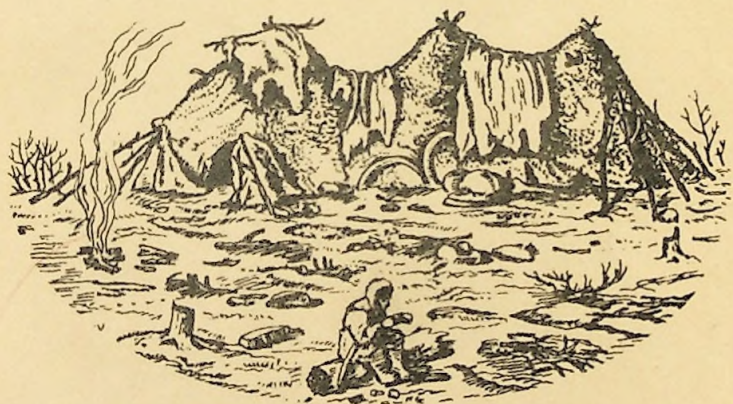

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КАМЕННЫЙ ВЕК СТАРОГО СВЕТА

(к 90-летию П. И. Борисковского)

Санкт-Петербург
2001

Павел Иосифович Борисовский
(1911 - 1991)

Редактор: Г.В. Григорьева

Оригинал-макет: С.Н. Лисицын

Об одном забытом открытии П.И.Борисковского*

Открытие, о котором идет речь, было сделано П.И.Борисковским в 1936 г. при раскопках стоянки Борщево 2 на Дону. На территории верхнего культурного слоя в юго-восточной, нижней по течению реки части раскопа, где отсутствовали интенсивные скопления находок, были отмечены намеренно положенные кости лошади и волка: четыре волчьи челюсти, лежащие попарно, две лошадиные челюсти под прямым углом друг к другу; волчий череп и по обеим сторонам его на небольшом расстоянии – кости двух конечностей лошади в анатомическом порядке. На другом участке обнаружены кости лапы волка, также в анатомическом порядке, и выкладка в форме полукольца диаметром около 1 м из неправильных, разных размеров плиток мягкого камня. По обеим сторонам выкладки находились две группы конечности лошади и за ними два интенсивных углистых пятна, как бы окаймлявших выкладку.

Изолированность комплекса и его необычность позволили П.И.Борисковскому в первой предварительной публикации о результатах раскопок высказать предположение о связи выкладки с идеологическими представлениями обитателей стоянки: выкладка могла быть каким-то культовым изображением, которое вместе с костями лошади и волка связано с тотемическими верованиями [СА V, 1940: 283]. В итоговой статье П.П.Ефименко и П.И.Борисковский [МИА 39, 1953: 107] говорят о сходстве выкладки с образом головы лошади, которая дополнялась положенными поблизости ногами лошади и, возможно, другими быстро разрушившимися материалами. К совершавшимся здесь охотничьим обрядам могли относиться кострища и лапы волка. Предвидя возражения против такой интерпретации, которая не подкрепляется какими-либо близкими аналогиями, авторы справедливо заметили, что подобные изображения, распложенные непосредственно на поверхности земли, едва ли могли уцелеть в течение длительного времени. Сохранившиеся имели очень мало шансов быть вскрытыми раскопками, которые в большинстве случаев ограничиваются небольшими площадями.

Значение этого открытия, на мой взгляд, заключается в нескольких моментах: прежде всего, оно свидетельствует о высоком методическом уровне раскопок, о применении планиграфического анализа, выполненного в сотрудничестве археологами и палеозоологами. Далее, оно подчеркивает особое отношение к животному, в данном случае, к лошади у обитателей стоянки. Зародившийся в глубокой древности «натуральный макет», наличие

которого убедительно обосновано А.Д.Столяром, продолжал существовать и в более поздние эпохи, в иных формах, в данном случае в виде каменной выкладки, действительно напоминающей голову лошади. Далеко не всегда наличие изображений животных на стоянке соответствует количеству остатков охотничьей добычи, значительное преобладание костей лошади в Борщеве 2 не обязательно указывает на тотемические представления (скорее было бы наоборот), но совершение каких-то обрядовых действий в стороне от обжитого участка кажется вполне возможным. И, наконец, это открытие дает основание для привлечения образов лошади и волка в палеолитическом искусстве малых форм в их локальных и хронологических проявлениях и в их взаимосвязанности.

Лошадь широко распространена в искусстве палеолита, начиная с Сибири, где на стоянке Усть-Кова (Ангара, средний этап верхнего палеолита) найден обломок кости с гравировкой этого животного. На Русской равнине, напротив, представлены только скульптуры: на раннем этапе (Сунгирь, бивень) и на среднем (Костенки 4, Костенки 1, мергель и Авдеево, бивень). В Чехии к среднему этапу относятся головки и фигурки из обожженной глины (Дольни-Вестонице, Павлов), к позднему – гравюры целых фигур и голов как на костяной основе (Пекарна), так и на каменной (Дерава Скала, Хостим). В Германии лишь одна находка – великолепная фигурка из бивня (Фогельхерд) датируется ориньяком. Все остальные – мадленские, представленные исключительно гравюрой, кроме навершия костяного стержня из Оберкасселя. Гравюры целых фигур, их частей и отдельных голов на различных основах найдены в 10 стоянках Германии, двух Швейцарии и по одной Бельгии и Англии. Изображения лошади в Италии немногочисленны и встречены только в гравюре на четырех стоянках. Наибольший интерес представляет подвздошная кость с гравюрой лошади, пронзенной копьями (грот Пагличчи, эпиграветт). Испания, особенно кантабрийская, где обнаруживаются близкие связи с искусством юго-западной Франции, более богата изображениями лошади. Гравюры найдены в 12 стоянках и относятся к среднему и финальному мадлену.

Изображения лошади, как, впрочем, и других животных в искусстве малых форм Франции представлены хронологически крайне неравномерно. В ориньяке среди немногочисленных и достаточно неопределенных гравюр животных достоверных лошадей не отмечено. К граветту относятся неотчетливые головы на каменных блоках из Лоссель и неполная гравюра лошади на гальке из Лабатю, к солютре – лишь одна ацефальная фигура в барельефе на плитке из Большого Зала Истюриц. Вместе с тем, исключительно обильные и разнообразные изображения лошади в мадлене поражают воображение. Они распространены от Арденн

на севере до испанской границы на юге с центрами в Дордони, Керси и северных склонах Пиренеев. Это и потрясающей красоты и совершенства скульптуры из рога, камня и даже бивня, и скульптурные навершия копьейметалок, и вырезанные по контуру из подъязычных костей лошади двусторонние силуэты головы с четко переданными деталями, барельефы и гравюры, украшающие просверленные жезлы и другие орудия и предметы из рога и кости, обломки рога и кости, различные каменные основы: плакетки, плитки, блоки, гальки и пр.

Изображения волка в палеолитическом искусстве Европы многочисленны, но разнообразны и по технике исполнения, и по использованной основе и по мастерству и стилю. Самая древняя — скульптурная головка-навершие костяной поделки встречена на Русской равнине в Костенках 14. Подобные, но более выразительные изделия происходят из Костенок 11. Отдельная крупная голова из мергеля найдена в Костенках 1. Они относятся к среднему верхнему палеолиту, как и Дольне-Вестонице, откуда происходят три головки из обожженной глины. Любопытно, что и во Франции самые древние изображения волка, также представлены головами, но в технике гравюры на камне в слоях среднего ориньяка и типичного солютре Истюриц. В позднем верхнем палеолите встречаются и целые, достаточно выразительные фигуры: за пределами Франции это гравюры на камне из грота Полезини (Италия) и стоянки Геннерсдорф (Германия). В мадлене Франции на 14 стоянках найдено, по моим, конечно, неполным подсчетам 20 изображений волка, только гравюры, примерно в равных количествах на обломках кости и камня и примерно в равных количествах отдельные фигуры и отдельные головы, хотя часть последних могла произойти вследствие фрагментирования основы. Фигуры живые и выразительные, часто переданные в движении, почти все они изолированные. Для нас наиболее интересны 3 произведения на каменных плитках. В навесе Монтастрюк (Брюникель, Тарн-и-Гаронна) ацефальная фигурка волка и целая фигура лошади перекрывают друг друга в перевернутом положении так, что их передние части совпадают. В гроте Эспелюг (Верхние Пиренеи) голова волка налегает на более крупную голову лошади, образы отчетливые и художественные. На стоянке Лимей (Дордонь) в сложном переплетении линий на плитке выделяются фигура, ближе всего напоминающая волка, голова лошади и голова оленя. Этот ассортимент находит аналогию в Ла Марш (Вьенн), где на одной стороне плитки изображены лошадь и хищник, на другой северный олень. В целом, сочетание лошади и волка не может быть случайным и идет в русле открытия П.И.Борисковского, относящегося к тому же времени, но на другом конце Европы и в других формах.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект №00-06-80318а.

К проблеме «палеолитической деревни» в костенковской культуре

Основными источниками, на которых базируются реконструкции поселений костенковской культуры являются четыре комплекса Костенок 1 (слой I) и два комплекса Авдеево. Для понимания характера этих объектов в момент их функционирования в качестве поселений принципиально важно выяснение двух взаимосвязанных вопросов. Первый касается одновременности или разновременности объектов культурного слоя (очаги, ямы-хранилища, «полуземлянки» и т.д.), составляющих остатки отдельных жилищно-хозяйственных комплексов. Второй имеет отношение к проблеме синхронности или асинхронности самих жилищно-хозяйственных комплексов, в пределах того или иного памятника. Вопросы эти дискутируются не часто. Их предметное обсуждение, по-видимому, развернется после публикаций результатов многолетних раскопок вторых комплексов Костенок 1 и Авдеево. Однако, подходы исследователей, изучающих данные материалы, к решению указанных вопросов прямо или косвенно, с большей или меньшей степенью конкретности обозначены. С точки зрения рассматриваемой проблемы более или менее распространенным можно считать предположение о том, что верхнепалеолитические поселения костенковской культуры представляли собой «родовые поселки», или «своего рода деревни», состоящие из нескольких крупных жилищно-хозяйственных комплексов, подобных тем, которые известны для верхнего слоя Костенок 1 и Авдеево. Говорилось даже о возможности соотнесения этих поселений с поселками раннеземледельческого населения (А.Н.Рогачев). Новые данные для рассмотрения проблемы предоставляют раскопки, относящейся к костенковской культуре, Зарайской стоянки. Комплекс разнородных стратиграфических данных, и, прежде всего, показатели прямой археологической стратиграфии, позволяет выделять для толщи культурных отложений этого памятника несколько уровней обитания. Из них два нижних имеют наибольший интерес в связи с обсуждаемым вопросом. В пределах раскопанного участка основной части памятника для первого этапа освоения стоянки фиксируется четыре очага (три из них расположены линейно), несколько ям-хранилищ, ямы-клады, ямы с мусорными отсыпками. Комплекс объектов второго уровня обитания (второго этапа накопления культурных отложений) накладывается на предшествующий уровень с некоторым смещением. Здесь, на охваченной раскопом части жилого пространства, устанавливается два очага и в дополнение к

объектам первого уровня еще два типа ям — «приочажные ямки» и крупные ямы (к настоящему времени частично вскрыты две крупные ямы).

Таким образом, рассматриваемые материалы двух начальных этапов формирования культурных отложений Зарайской стоянки предстают как фрагменты переслаивающихся обширных жилищно-хозяйственных комплексов, связанных с двумя различными уровнями обитания. Комплексы эти в целом однотипны и они оба в одинаковой степени обладают специфическими характеристиками, свойственными центральной части жилых площадок костенковского типа. По существу это остатки двух разных, наложившихся друг на друга, стоянок и хронологический разрыв между ними весьма невелик. Разделяющее их время вряд ли превышает отрезок продолжительностью несколько десятков лет. А, скорее всего, оно составляет несколько лет. Судить об этом можно, в частности, по тому, что одни и те же полости мерзлотных трещин первой генерации (всего здесь выделяется две генерации) в различной степени использовались как на первом, так и на втором этапах обитания. Другое дело, если говорить о времени, которое разделяет от указанных третий и четвертый этапы формирования культурных отложений. Второй и третий этапы отделены друг от друга выразительной системой трещин второй генерации, а четвертый этап совпадает со временем образования верхней погребенной почвы. Таким образом, Зарайская стоянка представляет собой пример того, когда крупные жилищно-хозяйственные комплексы, характерные для Костенок и Авдеево, обнаруживаются не в рассредоточенном, пространственно-изолированном виде, а перекрывают друг друга, образуя различные уровни обитания. Структура и размеры отдельной стоянки на каждом из уровней обитания оказываются совпадающими с одним обширным жилым комплексом. В связи с этим встает вопрос — не являются ли отдельными стоянками и каждый из аналогичных комплексов по отдельности в Костенках и Авдеево? Ответ здесь может быть скорее утвердительным. В противном случае пришлось бы допустить, что синхронные и однотипные по всем показателям памятники одной и той же культуры в одном районе представлены совокупностью нескольких одновременных жилищно-хозяйственных комплексов костенковского типа, а в другом, столь же активно осваиваемом, — только одним. Тем более, что зарайский комплекс остается единичным для данного памятника и в том случае, если отвлечься от переслаивания здесь разных уровней обитания, или даже игнорировать этот факт. Следовательно, рассмотренные данные не только не подтверждают, но опровергают предположение о существовании в костенковской культуре столь крупных поселений, которые можно было бы расценивать, как, пусть даже своеобразные, «деревни» или «поселки».

«Степная зона» – одна из трех ИКО верхнего палеолита Восточной Европы*

В обширном научном наследии П.И.Борисковского заметную роль играет выделение так называемой «степной зоны» своеобразного развития культуры верхнего палеолита. По Борисковскому, эта зона охватывала регион Северного Причерноморья – Приазовья и отличалась особыми формами хозяйства, связанными с массовой облавной охотой на стада бизонов, подвижным образом жизни, распространением кратковременных охотничьих стойбищ на открытых степных пространствах, отсутствием долговременных жилищ, своеобразием кремневого инвентаря.

В шестидесятые годы против концепции П.И.Борисковского выступили М.Д.Гвоздовер и Г.В.Григорьева, однако, их аргументация не представляется убедительной. Наличие в степной зоне разных археологических культур никак не опровергает ее выделения: это разные подходы к анализу материала, приводящие к разным обобщениям. Присутствие на некоторых памятниках костей иных видов не опровергает того факта, что во всех случаях кости бизона составляют подавляющее большинство. Наконец, предполагаемые остатки жилищ в Мураловке и Каменной Балке 2 никак не могут быть причислены к кругу долговременных жилищ сложной конструкции.

Позднее подавляющее большинство отечественных палеолитоведов так или иначе признало правомочность выделения «степной зоны». Особенно показательна в этом отношении позиция А.Н.Рогачева. Будучи непримиримым оппонентом П.И.Борисковского по целому ряду узловых вопросов, он не только признал данную концепцию, но и попытался ее развить: в нашей совместной работе на территории Восточной Европы выделяется шесть «областей своеобразного развития», включая и Юго-Восточную («=степной зоне»).

В последующие годы я значительно изменил нашу первоначальную концепцию, а именно:

1. В раннюю пору верхнего палеолита «области своеобразного развития» на территории Восточной Европы не выделяются. В этот период (~40-24000 л.н.) здесь существовали разные археологические культуры охотников на лошадей (не исключительно, но преимущественно). Предполагаемые остатки жилых сооружений, реконструируемые по локализованным скоплениям археологического материала, свидетельствуют о легких наземных жилищах типа шалашей или чумов. Мощностью

культурного слоя свидетельствует, что, по крайней мере, в некоторых случаях люди жили на стоянке достаточно долго, или неоднократно возвращались на одно и то же место.

2. В среднюю пору верхнего палеолита (~23-12000 л.н.) на территории Восточной Европы происходит глобальная смена археологических культур, причем формируются три историко-культурные области (ИКО): Юго-Западная (Днестровско-Прутская) охотников на северных оленей, Южная (=»степная зона») охотников на бизонов и Центральная (Днепро-Донская) охотников на мамонтов. Название каждой ИКО характеризует ее местоположение и основной объект охоты. Вместе с тем эти области отличаются друг от друга рядом других археологических характеристик (структура поселений и жилищ, некоторые особенности каменного и костяного инвентаря, искусство и украшения), а также – особенностями формирования и развития.

Юго-Западная ИКО, по-видимому, сформировалась на основе предшествующих индустрий ранней поры верхнего палеолита, возможно, под влиянием граветтоидных индустрий Центральной Европы. Такое влияние явно прослеживается в Молодова 5/VII (финальный этап молодовской АК) и в вышележащих слоях того же памятника (явные типологические связи с более ранней индустрией Бодрокерштур). Ориньякоидные черты, присущие поздним верхнепалеолитическим индустриям Волыно-Подольи (липская АК), возможно, связаны с местными ориньякоидными индустриями ранней поры верхнего палеолита (Куличивка/I-III).

В пределах Южной ИКО («степная зона») в настоящее время не известно ни одного памятника, который бы достоверно датировался древнее 22000 л.н. «Стрелецкие» культурные слои местонахождений Бирючьей Балки типологически бесспорно относятся к ранней поре верхнего палеолита, но не продатированы ни геологически, ни радиометрически. Можно предполагать, что данная ИКО сформирована пришлым населением, об этом свидетельствуют типологические параллели, проводимые Н.Д.Прасловым для ориньякоидных индустрий мураловской АК с Центральной Европой и М.Д.Гвоздовер для каменнобалковской АК с Закавказьем.

Самой интересной, безусловно, является Днепро-Донская ИКО, представляющая собой уникальное явление в мировом палеолитоведении. Для населения данной ИКО мамонт, чьи кости в составе фауны абсолютно преобладают, являлся основным жизненным ресурсом, обеспечивавшим и пищу, и топливо, и сырье для разного рода поделок, и, наконец, строительный материал (знаменитые «дома» из костей мамонта).

Ранние культуры рассматриваемой ИКО относятся в основном к ориньякоидному технокомплексу (радомышльская АК в Приднепровье, аносовско-тельманская АК и верхний слой Костенек

4 на Среднем Дону). По-видимому, они имеют местные корни. В этих культурах появляются более сложные формы жилищ, не известные в предшествующую, раннюю пору верхнего палеолита: округлые, углубленные в землю, с очагом в центре (Костенки 8/1, Костенки 4/II), «длинные дома» (Костенки 4/I, Пушкири).

Около 23-22 тыс.л.н, в центре Русской равнины появляются выходы из Центральной Европы, принесшие сюда традиции виллендорфско-костенковской археологической культуры. Как и в Центральной Европе, здесь эта культура существует в двух основных вариантах: собственно виллендорфско-костенковском (Костенки 1/1, Авдеево, Бердыж, Зарайская стоянка) и павловско-хотылевском (Гагарино, Хотылево 2).

Около 20 тыс. л.н, на данной территории происходит глобальная смена культурных традиций: АК предшествующего этапа полностью исчезают. На их смену появляются культуры, несколько различающиеся по технико-типологическим характеристикам каменного инвентаря (замятнинская, мезинская, межиричско-добраничевская АК), но, вместе с тем характеризующиеся сходной организацией поселений и очень близкими способами домостроительства.

Итак, моя концепция трех ИКО средней поры верхнего палеолита Восточной Европы является развитием взглядов П.И.Борисковского, сформулировавшего представление о «степной зоне». В заключение отмечу два момента:

1) Данные ИКО возникают, по-видимому, почти одновременно (24-22000 л.н.), но их финал различен. Индустрии Юго-Западной и Южной ИКО плавно перерастают в местный «мезолит», тогда как памятники Днепро-Донской ИКО исчезают значительно раньше: самое позднее около 12000 л.н., но, скорее всего, 14-13000 л.н. Их исчезновение я считаю рубежом, отделяющим на данной территории среднюю пору верхнепалеолитической эпохи от ее финала, включающего, по моему мнению, и голоценовые докерамические индустрии («мезолит»).

2) Нужно учитывать, что границы ИКО отнюдь не являлись «железным занавесом», охраняемым бесстрашным Карацупой с верным Ингусом; это лишь исторические тенденции, где исключения не только возможны, но и неизбежны. Таковым исключением является стоянка Климауцы 2, расположенная на территории Юго-Западной ИКО, но по всем археологическим параметрам отвечающая характеристикам ИКО охотников на мамонтов. По-видимому, люди, по тем или иным причинам оказавшиеся в иных природных условиях, пытались какое-то время вести привычный для них образ жизни.

**Работа выполнена при поддержке Российского Фонда
Фундаментальных Исследований, проект № 00-06-80429.*

Некоторые проблемы каменного века Вьетнама

Важное место в исследованиях П.И.Борисковского занимал каменный век Вьетнама, где он неоднократно работал (в том числе в годичной научной командировке с марта 1960 по март 1961 г.)

Проблемам археологии Вьетнама посвящен ряд его важных публикаций, в том числе крупные монографические исследования [Борисковский 1966, 1971 и др.]. Павел Иосифович внес большой вклад в формирование школы вьетнамских археологов и провел ряд важных исследований в ходе которых, в частности, был открыт и исследовался широко известный нижнепалеолитический памятник на горе До в провинции Тхань-хоа, сделан ряд важных наблюдений в отношении широкого спектра памятников каменного века.

В 1980-е гг. ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН продолжил сотрудничество с вьетнамскими коллегами. Авторы данной работы начинали этот новый этап сотрудничества, проведя в СРВ насыщенную поездками по памятникам командировку в с конца ноября 1984 по январь 1985 г. За это время нам удалось сделать определенные наблюдения, представляющие интерес для проблематики вьетнамской археологии. Эти данные, многократно обсуждались с вьетнамскими коллегами, в том числе, на докладах, сделанных на Ученом Совете Института Археологии СРВ. На некоторые из них мы обращаем особое внимание.

1. В конце 1984 года нами была обследованы две пещеры (Тхам Хай и Тхамкуен) у села Тан Ван уезда Биньзя провинции Лонгшон, где в 1964 и 1965 годах немецкими и вьетнамскими палеонтологами найдены обильные остатки плейстоценовой фауны (прежде всего *Pongo*, *Stegodon insignis*, *Ailuropoda*), включая зубы *Homo erectus* и *Gigantopithecus*, которые залегали в карбонатных красноцветах. Однако, каменные изделия не были обнаружены. Отложения, из которых происходили кости ископаемых животных, были отнесены ко второй половине среднего плейстоцена (миндель-риссу альпийской системы).

2. В пещере Тхамкуен мы совместно с вьетнамскими коллегами выявили 37 каменных изделий, в их числе 10 чопперов, 3 бифаса, 20 отщепов и орудий из них, 4 обломка плоских галек со следами обработки. Орудия изготовлены из порфирита, базальта и кварцита серого и серо-коричневого цветов. На плоскостях раскалывания прослеживаются слабая патина и следы корразии, а также остатки известковистых натеков с частицами красноцветного суглинка. Изделия найдены у стен в кучах щебня, который, как писали вьетнамские палеонтологи, заполняли красноцветные отложения.

3. В данной пещере, как сообщается в публикациях вьетнамских

ученых, плейстоценовые отложения сохранились только на стенах или около них. Кости ископаемых животных, включая 8 зубов *Notogegastus*, 3 зуба гигантопитека, залегали в плотных карбонатных отложениях темно и светлокрасного цветов с включениями обломков известняка разных размеров. Совместное залегание в одном слое зубов архантропа и гигантопитека указывает, как утверждают вьетнамские специалисты, на то, что последний существовал здесь еще в конце среднего плейстоцена.

4. Каменные изделия имеют преимущественно средние и крупные размеры. Чопперы представлены как двусторонними, так и односторонне обработанными формами. Бифасы (как и чопперы) изготовлены на уплощенных гальках оббивкой и ретушью. Среди них имеется типично обушковая форма, которая характерна для бифасов типа Keilmesser. Интересно крупное кварцитовое (?) орудие с выделенным ретушью острием на фрагменте гальки, вентральная часть которой сохраняет корочную поверхность. Подобная форма напоминает «пики» культуры шонви. Обращают на себя внимание типичное поперечное скребло и выразительное зубчатое орудие. Имеется несколько топоровидных или долотовидных форм.

5. Среди отщепов и орудий из них преобладают первичные и полупервичные с крупными гладкими (чаще всего покрытыми коркой) и скошенными ударными площадками и относительно тонкие с очень узкими (линейными) площадками. Очевидно, что основная масса их сколота с чопперов и галечных нуклеусов без выделенных ударных площадок. Пластин не обнаружено.

6. Данная коллекция каменных изделий, имея общее сходство с верхнепалеолитической культурой шонви, отличается отсутствием специализированных галечных форм орудий, присутствием остроконечных бифасов и выразительных орудий на отщепах. Это обстоятельство, а также условия нахождения рассмотренных выше каменных изделий, включая остатки известковистых натеков и красноцветов на плоскостях расщепления, позволяет привязать данные артефакты к среднеплейстоценовым отложениям с остатками ископаемых гоминид.

7. В ходе осмотра «кьоккенмеддингов» неолитического времени (культура Куин Ван) были сделаны некоторые наблюдения, свидетельствующие за определение связанных с ними культурных слоев как остатков кратковременных стоянок – следов периодических посещений человеком мощных скоплений моллюсков.

8. Из других результатов интерес представляют кварцевые изделия, собранные на поселении Ма Хо (провинция Тхань Хоа, прибрежный район, поселение открытого типа расположено в 4 км от современного берега). Находки залегали в культурном слое, вскрытом шурфом, а также на поверхности поселения. В коллекции имеются отщепы и сколы высококачественного кварца среднего

размера (2 – 5,5 см). В ряде случаев признаки преднамеренного расщепления – ударные площадки и бугорки, на спинке ясные негативы предшествующих снятий представлены достаточно отчетливо. Имеются отдельные экземпляры с регулярной ретушью рабочего края или участков боковых граней. Прием подтески края нехарактерен, признаки архаичной биполярной техники расщепления выражены слабо. Имеющихся материалов мало для подробной характеристики кварцевой индустрии позднего неолита СРВ, но достаточно для утверждения о ее существовании. Имеющиеся описания орудийного набора обычно ограничиваются описанием характерных каменных рубящих орудий – топоров и тесел (Нгуен Ван Хао и др.). На наш взгляд [Анисюткин, Тимофеев 1986: 58], возможна постановка вопроса о расширении качественного спектра каменных индустрий, бытовавших в каменном веке на территории СРВ, для которого характерно использование изверженных пород (прежде всего базальта), а также разновидностей сланца, о существовании, по крайней мере, в приморской зоне, и достаточно выразительного «кварцевого компонента».

С.Н.Астахов
(ИИМК РАН, С-Петербург)

Участие П.И.Борисковского в изучении каменного века Тувы*

В первые годы работы Саяно-Тувинской археологической экспедиции (тогда еще ЛО Института археологии АН) я столкнулся с трудностями поиска своеобразных по условиям сохранности памятников каменного века. Дело в том, что климатические условия Тувы, в природном отношении аналогичной Монголии, не способствовали перекрыванию культурных остатков почвенными отложениями – лессовидные породы не удерживались на поверхности, выдувались мощными ветрами и вымывались ливневыми потоками. Попытки найти стратифицированные памятники тогда успеха не имели (первая позднемезолитическая стоянка Усть-Хемчик 3 была обнаружена в 1968 г). Я запросил помощи у коллег по сектору палеолита. К моей радости и, честно говоря, удивлению помочь мне в полевых изысканиях согласился первым Павел Иосифович Борисковский и Галина Васильевна Григорьева. В состав отряда вошла также тогда еще студентка МГУ Лариса Ивашина, ныне крупный исследователь неолита Забайкалья. Не буду перечислять других замечательных помощников, скажу только, что Павел Иосифович как-то незаметно создал удивительный

климат — как в работе, так и в лагерной жизни. Это был непревзойденный по результатам и теплой дружеской атмосфере сезон — сезон 1966 г. Мы поставили лагерь в местности Шанчи-Аксы на берегу небольшой горной реки Хемчик и начали работу — разведку в ранее не изученной с точки зрения палеолита и неолита местности. Было, как все археологи знают на своем опыте, поразному, но в результате за сезон мы нашли и зафиксировали 39 новых памятников каменного века, на следующий год к ним прибавилось еще два десятка. Такова начальная пора исследований на Хемчике, и я уверен, что огромную роль в направленности дальнейших работ палеолитического отряда сыграло участие Павла Иосифовича Борисковского, хотя он больше в Туве не работал. В 2000 г. автору совместно с С.А.Васильевым и японским археологом К.Оримо посчастливилось осмотреть некоторые местонахождения, открытые вместе с П.И.Борисковским и определить их координаты (в 60-е годы об этом не приходилось даже мечтать). Ниже следует краткое описание почти всех местонахождений на реке Хемчик, начиная примерно с участка в 60 км от его впадения в Енисей.

Группа стоянок Баяжи. Эти стоянки расположены на правом берегу р.Хемчик, в 10-15 км выше по течению от Шанчи-Аксы. Здесь Хемчик огибает сравнительно большую террасовидную площадку высотой над руслом реки 6-8 м, местами ниже. Там же имеются и более высокие террасовые уровни, а также выходы скальных пород. Ближе к горам наблюдаются предгорные наклонные площадки, поднимающиеся на значительную высоту. В этом районе мы нашли три стоянки: *Баяжи I, II и III*. Инвентарь преимущественно микролитический, вероятно относится к неолиту.

Группа Шанчи-Аксы. Эти стоянки расположены в окрестностях лагеря отряда. Название можно перевести как «устье Шанчи», хотя настоящей реки тут сейчас нет — сохранилась лишь сухая долина. Найдено 4 неолитических стоянки. Наиболее представительна коллекция стоянки (с поверхностным залеганием изделий) Шанчи-Аксы I — более 2 тысяч предметов, включая микропластинки.

Кроме этих четырех стоянок, в этом участке долины были подобраны единичные находки в нескольких пунктах.

Ниже по течению от этих пунктов Хемчик протекает в крутых скальных берегах, где мест, удобных для поселения нет вплоть до речки Шом-Шум, левого притока Хемчика. Эта речка имеет хорошо разработанную долину с несколькими террасами и высокими платообразными площадками при устье. На одной из террас, в глубине долины, найдена палеолитическая стоянка *Шом-Шум II*, а на террасе Хемчика — мезо-неолитическая стоянка *Шом-Шум I*.

Ниже рч.Шом-Шум Хемчик снова протекает почти в отвесных берегах, вплоть до порога, за которым слева находится большой участок с несколькими террасовыми уровнями. Там были обнаружены палеолитические стоянки *Порог I — III*.

Далее этого пункта долина р.Хемчик была осмотрена во время одного маршрута. Первые следы пребывания человека встречены опять лишь там, где Хемчик выходит из тесного ущелья. Этот пункт называется Улуг-Бюк, что означает «большое ровное место на берегу реки у подножия гор». Здесь найдено 6 стоянок с инвентарем палеолитического облика (*Улуг-Бюк II-VII*) и 1 неолитическая.

Напротив Улуг-Бюка и несколько ниже по течению имеется довольно большой участок с двумя террасами, приблизительно 20 и 40 м высотой. Там были найдены 2 палеолитических и 1 неолитическое местонахождение (*Тыттыг-Чарык-Аксы I-III*).

Километрах в 3 ниже Улуг-Бюка на левом берегу есть такое же урочище, но меньше по размеру – Биче-Бюк (биче – маленький). Там также есть фрагменты трех уровней террас, на краю средней террасы найдена неолитическая стоянка *Биче-Бюк*.

Далее памятники были обнаружены лишь в приустьевой части Хемчика – это *Усть-Хемчик I, II, III, Кожув* (неолит).

Кроме берегов р. Хемчик, как уже указано выше, обследовались некоторые ныне сухие русла, выходящие к Хемчику. Так, мы обнаружили несколько стоянок в долине, по которой проходит дорога от Чаданского тракта в пос. Шанчи и далее в Шанчи-Аксы, где стоял лагерь отряда. Основная группа стоянок находится к западу от Шанчи, у источника. Всего найдено 7 неолитических стоянок (*Суг-Бажи I-V*) и единичные палеолитические изделия.

Этим исчерпывается перечень открытых с помощью П.И.Борисковского в 1966 г. и частично, уже без него в 1967 г. памятников каменного века. Сравнительно легко отделяется группа позднепалеолитических – Шанчи, Адыр-Тей 2, Шом-Шум 2, Порог 1-3, Улуг-Бюк 2-7, Тыттыг-Чарык-Аксы 2,3. Остальные можно отнести к неолиту, не исключено, что некоторые местонахождения занимают промежуточное положение, но пока нет критериев выделения мезолита на территории Тувы. Хронологически определить положение этой группы сложно. Один из признаков ранних комплексов – треугольные наконечники с вогнутым основанием, наличие пластин и микропластинок – сближает некоторые комплексы (*Баяжи 1*, например) с позднемезолитической стоянкой *Усть-Хемчик 3* с радиокарбоновой датой 6500 ± 100 (Ле 1014), что и является нижней границей неолита этого района [Астахов, Васильев 2001: 148-154].

**Работа выполнена при поддержке Российского Фонда
Фундаментальных Исследований, проект № 00-06-80430а.*

Обработка кости на верхнепалеолитической стоянке Быки-7 Курской области

С 1996 года в непосредственной близости от Пенской верхнепалеолитической стоянки на левобережье реки Сейм Курской области, в 2 км от его современного русла на территории отстойников Пенского сахарного завода были возобновлены археологические работы. Сеймско-Деснинской экспедицией под руководством А.А.Чубура исследовались верхнепалеолитическая стоянка Быки-1 и местонахождения Быки-2 и Быки-3 [Чубур 1999]. Исследованиями верхнепалеолитических стоянок Быки-5 и Быки-7, местонахождений Быки-6 и Быки-8 в 1999-2000 годах занималась Курчатовская палеолитическая экспедиция под руководством автора. Материалы наиболее исследованной на данный момент стоянки Быки-1 позволили не только по-новому взглянуть на материалы Пенской стоянки, но и поставить вопрос о культурной принадлежности всего комплекса стоянок, инвентарь которых тяготеет к мадленским памятникам Западной Европы и вопрос взаимоотношения внутри самого комплекса.

Открытие в 2000 г. новой верхнепалеолитической стоянки Быки-7 в 170 м к югу от стоянки Быки-1 и в 180 м юго-западнее стоянки Быки-5 с сохранившимся участком культурного слоя, и ее исследование в связи с обозначенными проблемами имеет определенную важность. Предварительный анализ материалов показывает, что верхнепалеолитическая стоянка Быки-7 может относиться ко времени начала интервала Ласко.

Культурный слой ее залегает в нижней части суглинка, на контакте его с песком, занимая всю его толщу (40 см). Зоны наибольшей концентрации костных и кремневых материалов окрашены в более темный цвет (от серого до черного) и образуют в песке заполнения с размытыми границами. Для всех участков культурного слоя характерно наличие вкраплений охры, обломков раковин пресноводных и наземного моллюсков теплого периода (консультация А.Л.Чапалыги).

Кремневый инвентарь стоянки весьма выразителен и указывает на высокую степень его специализации для конкретных работ. Я остановлюсь на его краткой характеристике.

Морфологически выраженных орудий в коллекции стоянки – 52 экз..

Самой многочисленной категорией являются треугольники – 32 экз. Притом, что наличие треугольников-микролитов, на верхнепалеолитических стоянках комплекса Быки имеет место и придает своеобразие их каменному инвентарю, следует отметить

различие. Коллекции Быков-1, Быков-2, Быков-7, Пенской стоянок включают разные типы неравносторонних треугольников. Но треугольники стоянок Быки-1, Пенской, местонахождения Быки-2 являются неравносторонними вытянутыми, тогда как форма аналогичных изделий из коллекции стоянки Быки-7 ближе к прямоугольным треугольникам. Обращает на себя внимание большой процент изделий этой категории со стоянки Быки-7, происходящих всего с участка в 6 квадратных метров, что также отличает данную коллекцию от других коллекций этого комплекса стоянок. Возможно, объяснение данного явления состоит в разном функциональном назначении изученных участков древних стоянок. Все изделия категории треугольники-микролиты имеют сильные следы утилизации в виде фасеток и обломов.

Скребок в коллекции 4, один двойной.

Прокол 9. Среди них присутствует изделие с выделенным длинным жалом. Отмечена группа прокол с выемками и с подработанным дистальным концом у двух изделий в виде клюва, у двух других в виде жальца. Все остальные проколки с едва выделенными жальцами. В коллекции имеется всего два плоских угловых резца на пластинках, один имеет сильные следы утилизации на лезвии у резцового скола. Выемчатых орудий пять. Большинство пластинок и отщепов имеют следы сильного изнашивания в виде косых по отношению к краю, параллельных царапин, ретуши изнашивания.

Костные останки на вскрытом участке в культурном слое залежали неравномерно, зафиксировано два скопления. Так, выделена «черная яма», насыщенная позвонками, ребрами, фалангами и метаподиями мелких и средних животных, челюстями грызунов, хищников и расщепленным кремнем. Перекрывающая находки супесь окрашена в черный цвет и пронизана карбонатным псевдомицелием. Нижняя поверхность многих костей окрашена в черный цвет. Даже если принять во внимание, что это результат осаждения окислов марганца, то остается открытым вопрос, почему это произошло на ограниченном участке культурного слоя. Материал не имеет следов обжига, за исключением нескольких мелких косточек в нижнем юго-западном углу ямы 5 кремней.

Верхняя часть второго скопления была сильно потревожена вспашкой и поднята практически на поверхность, основная масса залежала на слоистых песках, перекрытая толщей монотонного желтого песка. Скопление состояло из мелких неопределимых обломков трубчатых костей, метаподий, ребер различных животных, межреберных хрящей, анатомической группы из 11 костей нижней конечности копытного животного, черепа крупного грызуна. Большинство костей окатаны, сохранность хорошая, нижняя часть покрыта известковым налетом. Интересна находка фрагмента сохранившегося межреберного хряща неестественной

формы – с «перетяжкой» по середине, появившейся возможно, в результате разделявания туши животного в древности (консультация М.В.Саблина).

Механические и химические повреждения поверхностей костей выражены по-разному и подразделяются на повреждения, связанные с естественными процессами и связанные с производственной деятельностью человека. Я остановлюсь на рассмотрении последних.

Первая серия повреждений связана с разрубанием трубчатых костей крупных и средних животных, вероятно в целях извлечения костного мозга. На одном из сколов, полученном в результате разрубания сохранилась зарубка, определяемая по характерной смятости слоев костной ткани, видимая при увеличении в 56 раз. В коллекции также имеются отщепы из стенок трубчатых костей с негативами от скалывания, когда направление удара идет не поперечно, а продольно относительно плоскости ребра.

К технологическим, вероятно, можно отнести следы, оставшиеся после пиления ребер и предваряющие облом кости. При этом присутствует как спил по всему диаметру ребра, так и надпилы, затрагивающие одну из плоских поверхностей ребра.

В коллекции стоянки имеются два фрагмента заготовок из стенок трубчатой кости со следами поперечного и продольного резания. Первый – стерженек, длиной 2,5 см. Поверхность второго (размером длиной 1,9, шириной 1,4 см), покрыта продольными и поперечными нарезками. Оба фрагмента сохранили следы создания предварительного продольного паза и поперечного разрезания кости. Интересно, что на стоянках Быки-1 и Пены подобные фрагменты сопутствуют мелким изделиям (иглам, проколкам, остриям), изготовленным из стенок трубчатой кости. На фрагменте одной кости присутствуют поперечные нарезки.

Готовых изделий на стоянке Быки-7 пока обнаружено не было.

Наиболее интересным представляется обломок продольно расщепленного ребра размером 5,5 на 2,2 см с орнаментальными полями из четко выраженных параллельных нарезок длиной около 2 см, сделанных резцеvidным орудием в технике «гравировки». С одного конца фрагмент кости ограничен спилом. Существует неглубокая нарезка на боковой поверхности кромки ребра, возможно связанная с его продольным расщеплением. Относительно плоскости изделия, орнаментальные поля расположены продольно, но четкой системы, насколько можно судить по фрагменту, не образуют. Поверхность ребра существенно отличается тщательная заполированность, отсутствие пористой структуры, несколько иной оттенок поверхности изделия, чем у заготовок и необработанной кости. Это может являться следствием не только абразивной обработки, но и результатом предварительного замачивания в каком-либо растворе. На заполированной поверхности остались

тонкие продольные нарезки – следы от соскальзывания орудия. Поверх их, в местах начала и конца «основных» нарезок имеются в одном случае поперечная еле различимая нарезка, в другом следы скобления, ограничивающие длину орнаментального поля. Ранее такой орнамент на стоянках комплекса не встречался, не известен он и по материалам Русской равнины. Из-за фрагментарности изделия трудно предположить его назначение, но даже то, что мы имеем, говорит о высоком уровне обработки кости на данной стоянке.

Наиболее реальным приемом продольного расщепления ребер представляется способ расщепления с применением клина и предварительных продольных нарезок – пазов на начальных участках боковых кромок изделия.

Итак, предварительные исследования показали, что на верхнепалеолитической стоянке Быки-7 на начальной стадии обработки кости могли использоваться следующие приемы: разрубание, скалывание, пиление, пиление с переходом на резание, продольное и поперечное резание, и вероятно, продольное расщепление с применением клина.

На завершающих стадиях при изготовлении изделий применялась техника скобления, гравирования и полирования.

Костяной инвентарь верхнепалеолитической стоянки Быки-7, как и кремневый, думаю, не отражает пока реального разнообразия материала, имеет общие черты с инвентарем известных ранее стоянок Пенской и Быки-1, хотя налицо и отличия, в первую очередь в типологическом наборе. Используемое сырье и в каменном и костяном производстве на стоянках аналогично. Обращает на себя внимание трудоемкость исполнения костяных изделий, характерное для всего комплекса обозначенных стоянок, широкое использование ребер средних животных в качестве сырья. Фаунистические останки рассматриваемых стоянок до конца не изучены, тем не менее обращает на себя внимание преобладание в коллекциях ископаемых костей северного оленя, копытных животных, песка, которые и используются в основном для изготовления костяных изделий, в то время как мамонт представлен, в отличие от других стоянок бассейна реки Десна данного периода, одной особью на каждом местонахождении.

Совокупность наличия отходов костяного производства, заготовок, отсутствие готовых неповрежденных изделий, характер скоплений необработанной кости, соотношение морфологически выраженных кремневых орудий, подавляющее большинство которых имеют следы утилизации, позволяющее предположить назначение вскрываемой площади как производственного центра или места для складирования туш животных после разделки, что интересно, поскольку раньше относительно стоянок Быки-1 и Пены, по мнению авторов раскопок, мы имели дело с остатками

долговременных жилищ, или, по крайней мере, причажной части. Пока нет никаких оснований предполагать углубленность вскрытого участка по отношению к остальному культурному слою, что опять же разнится с выводами относительно Пенской стоянки и Быки-1.

Т.Д.Белановская
(ИИМК РАН, С-Петербург)

Памяти Павла Иосифовича Борисковского

Знакомство мое с Павлом Иосифовичем Борисковским состоялось в далеком 1936 г. Мы, первокурсники, исторического факультета Ленинградского Государственного Университета готовились к сдаче первого в нашей жизни университетского экзамена по истории первобытного общества; лекции по этому предмету блестяще читал профессор Владислав Иосифович Равдоникас. Наш курс насчитывал более двухсот человек. Владиславу Иосифовичу было бы затруднительно одному принять экзамен у такого количества первокурсников, поэтому в приеме экзаменов участвовали все члены кафедры. В нашей группе экзамен принимал Павел Иосифович, в то время молодой, но уже опытный преподаватель; он создал на экзамене спокойную деловую обстановку, терпеливо выслушивая иногда слишком подробные ответы. Первая «пятерка» в зачетной книжке послужила стимулом успешной подготовки и сдачи последующих экзаменов.

Павел Иосифович был руководителем студенческого научного археологического кружка; на первом курсе я была выбрана старостой кружка и постоянно обращалась за советами к Павлу Иосифовичу. Работать под руководством Павла Иосифовича было легко и интересно, чем больше я узнавала этого замечательного человека, тем более росло мое безграничное уважение к нему. Павел Иосифович был коренным ленинградцем, потомственным интеллигентом. Отец Павла Иосифовича – Иосиф Павлович Борисковский был известным врачом и пользовался большим уважением и любовью у жителей большого района Васильевского острова – Гавани, так как до революции лечил бедняков бесплатно. В Гавани же родился, вырос и прожил большую часть жизни в старом деревянном доме в отцовской квартире со своей семьей (женой Александрой Абрамовной и дочерью Соней) и Павел Иосифович. Семья Борисковских покинула родовое гнездо только тогда, когда обветшавший дом пошел на слом.

Об Александре Абрамовне, верной спутнице жизни Павла Иосифовича, надо сказать особо; ее светлый облик неразрывно связан с Павлом Иосифовичем, заботам о нем и дочери она

посвятила свою жизнь, создавала домашний уют и благоприятные условия для работы. В довоенные и первые послевоенные годы Александра Абрамовна была сотрудницей кафедры истории первобытного общества, впоследствии переименованной в кафедру археологии. Она по-матерински заботилась о нас, студентах, вникая в наши радости и горести, радовалась нашим успехам и переживала наши неудачи. Александра Абрамовна рассказывала, что в предвоенные и первые послевоенные годы, когда очереди за продуктами были обычным явлением, женщины в Гавани обычно пропускали ее без очереди, говоря «Это невестка доктора Борисовского».

Павел Иосифович, как руководитель студенческого кружка, неизменно проявлял большую заинтересованность в его работе, готовность помочь словом и делом, умело поддержать первые робкие шаги в науке.

В 1941 г. грянула Великая Отечественная война. Павел Иосифович с оружием в руках встал на защиту Родины. Воевал он на одном из самых сложных участков Ленинградского фронта – под Невской Дубровкой. После тяжелого ранения в 1942 г. Павел Иосифович был направлен на преподавательскую работу в Ашхабадское военно-пехотное училище, где совмещал педагогическую деятельность с научной, а именно – занимался палеолитом Туркмении. В 1946 г. Павел Иосифович вернулся в родной Ленинград и сразу же включился в преподавательскую деятельность на кафедре археологии. Вскоре вокруг этого талантливого учителя сплотилась группа студентов, многих из них он вывел в люди, и впоследствии они стали видными специалистами в палеолитоведении. Успешно вел Павел Иосифович и полевые работы – с его именем связано открытие древнего палеолита в Луке Врублевецкой, раскопки в Амвросиевке, Костенках. Многие студенты кафедры археологии прошли основательную школу полевых исследований у Павла Иосифовича.

В 1952 г. Павел Иосифович защитил докторскую диссертацию на тему «Палеолит Украины». Его имя как крупного ученого было широко известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Павел Иосифович неоднократно выступал с научными докладами за рубежом, в 1960-1961 годах читал лекции в Ханойском Университете и открыл древний палеолит Вьетнама; ряды его учеников пополнились иностранными студентами.

В 1966 г. Павел Иосифович был в научной командировке в Индии. Возвращаясь из своих зарубежных поездок, Павел Иосифович всегда выступал с интереснейшими, богато иллюстрированными докладами, в которых не ограничивался изложением специальных археологических проблем, но давал яркую картину жизни и быта каждой страны. Аудитория во время этих докладов была всегда переполнена.

За долгие годы я прошла путь от студентки до доцента кафедры археологии, но Павел Иосифович до последних дней его жизни оставался для меня мудрым Учителем, добрым советчиком и надежным другом.

В последние годы жизни Павел Иосифович был тяжело болен, но никто никогда не слышал от него ни одной жалобы. Всегда подтянутый, корректный он продолжал трудиться в меру своих, уже слабеющих сил. Последняя наша встреча состоялась незадолго до кончины Павла Иосифовича. Втроем (Павел Иосифович, Александра Абрамовна и я) мы вели оживленный разговор, вспоминая самые веселые и забавные случаи из экспедиционной и педагогической деятельности. Павел Иосифович весело смеялся, а когда я уходила, сказал: «Приходите еще».

К сожалению, резкое ухудшение здоровья Павла Иосифовича не позволило больше осуществить ни одной встречи...

Павел Иосифович был талантливым, умным, доброжелательным и в высшей степени порядочным человеком; показательно, что особенно корректен Павел Иосифович был с людьми, с которыми у него складывались сложные взаимоотношения. Светлый образ Павла Иосифовича навсегда останется в памяти его учеников и друзей.

В.И.Беляева

(С-Петербургский Гос. Университет)

Модельные элементы стоянки Пушкари I

Для стоянок открытого типа предложены несколько моделей обитания основанных на распределении скоплений и разрозненных элементов культурного слоя относительно его крупных объектов – жилищ и очагов.

Предполагается, что в основе моделей обитания лежат модели поведения человека. Последние зависят от традиций, внешних условий обитания и вида деятельности. Охотничий лагерь и базовая стоянка имеют разные структуры, этноархеологический материал не дает полных соответствий моделям мадленских стоянок, особую структуру имеют т.н. d'air de boucherie (L.Binford, A.Leroi-Gourhan, Y.Taborin, F.Audouze et etc.).

Вместе с тем, игра в модели является привлекательной, потому что делает подвижным, почти живым, спрессованный, давно умерший материальный мир. Благодаря ней находятся константы поведения человека, сравнимые и объяснимые на уровне общечеловеческих процессов существования. В этом смысле переключка этноархеологических и собственно археологических моделей служит, в известной мере, критерием истины.

Пушкари I в настоящее время включают пять самостоятельных участков культурного слоя. Есть основание видеть в них не менее пяти мест обитания (l'unité d'habitation). Материал пригодный для определения структуры обитания имеют в настоящее время лишь два участка с жилищами, а элементы моделирования могут быть созданы пока только на площадке с малым жилищем. Прослеженная нами частичная повторяемость структуры жилого пространства на обоих участках стоянки служит основанием для моделирования недостающих звеньев места обитания трехчастного жилища из раскопа П.И.Борисковского.

Деятельность обитателей пушкаревских жилищ была связана с обработкой кремня, и не имеет каких либо признаков охотничьей специализации. Кости мамонта присутствующие в жилищах и редкие находки за их пределами носят избирательный характер — зубы, верхние челюсти, бивни. Совершенно отсутствуют элементы охотничьего промысла — ребра, позвонки. Таким образом, мы лишены возможности определения структуры обитания по распределению костей. Костный материал заменен расщепленным кремнем, который не менее четко определяет как границы обитания каждого из участков, так и места активной деятельности (d'espece d'activité).

Площадка обитания, раскопанная нами, имела два структурных элемента — жилище и внешний очаг. Расположение их относительно друг друга и относительно других примыкающих к ним объектов дает основание для определения нескольких модельных ситуаций:

- жилище и внешний очаг сопровождаются обширными выбросами углистого и кремнистого материала значительно превосходящими размеры очагов

- северное и северо-восточное направление обоих выбросов соответствует тому же направлению выбросов трехчастного жилища

- расположение внешнего очага и очага в малом жилище по линии восток запад соответствует тому же расположению очагов в трехчастном жилище

- можно предположить, что внешний очаг трехчастного жилища расположен к западу от него за линией раскопа П.И.Борисковского

- система «очаг-выброс» противоречит единству длинного жилища

Таким образом, можно считать модельной ситуацию, когда основные объекты обитания располагались в зависимости от направления ветра, очаги и выбросы располагались в одном направлении, не перекрывая друг друга. Нельзя не заметить, что длинная линия очагов могла возникнуть благодаря этой природной необходимости. В качестве возможного примера можно обратиться к Костенкам I.

Выделяются структурные элементы жилого пространства Пушкарей I, которые пока не имеют статуса модельности. Так внешний очаг окружает веерообразно серия ям, которая заменяет знаменитую «dgor» зону Л.Бинфорда, как впрочем, и «toss area(y)», куда отбрасывались крупные осколки. Крупные отбросы расщепления кремня сбрасывались в ямы, здесь же находились и чешуйки. Ямы располагались в 50-60 см от очага и являлись рабочими местами первичного расщепления. Внешний очаг служил и местом приготовления пищи, такая двойная роль очага является, несомненно, модельной. Здесь доказательством приготовления пищи служили многочисленные ямки от вставленных в очаг костяных «вертел», которые в последствии служили и топливом.

Представленные наблюдения являются небольшой частью накопленного археологического материала способного их дать.

Е.В.Булочникова

(Музей антропологии МГУ, Москва)

П.И.Борисковский и французские коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ

В период написания докторской диссертации «Палеолит Украины» П.И.Борисковский обратился к французским коллекциям, хранящимся в Музее антропологии МГУ. Сюжет частный и незначительный, однако за ним и непростые межличностные отношения, и сложные процессы развития науки. Французские коллекции поступили в фонды Музея антропологии в конце 19 начале 20 века благодаря активной деятельности Д.Н.Анучина. В основу фонда легли вещи с Антропологической выставки 1879 года, далее фонд пополнялся за счет приобретений от частных лиц (Г.Мортилье, А.Брейль, братья Буиссони) и учреждений (Центральный музей народов СССР, Кабинет истории материальной культуры этнографического факультета МГУ). В силу этого состав коллекций оказался достаточно разнородным и включил в себя находки из разных местонахождений Франции, таких как Ориньяк, Солютре, Мадлен, Плакар, Верхнее Ложери, ля Кина и др.

П.И.Борисковский оказался одним из немногих исследователей, кто работал с этими коллекциями. Его интересовали две из них: коллекция Кумба-дель-Буиту и коллекция Плакара. Коллекция Кумба-дель-Буиту (Coumba del Bouitou), [Обермайер 1913] происходит из раскопок Бардона и братьев Буиссони в департаменте Коррез (Correze). Она была получена от аббата Буиссони в 1910 г. и состоит из 208 предметов из ориньякских слоев (коллекционный N 162). Коллекция грота Плакар происходит из

раскопок А. де Маре в департаменте Шаранты (Charente) и приобретена для Музея антропологии через посредство аббата Брейля в 1911 г. В настоящее время коллекция состоит из 166 предметов из мустьерского, солютрейского, мадленского и неолитического слоев (N 147).

Подобный выбор со стороны П.И.Борисковского был далеко не случаен. Что касается Кумба-дель-Буиту, то на ее долю выпала странная роль. Будучи цельной по своему составу коллекцией, представляющей классический ориньяк, она достаточно часто использовалась отечественными исследователями для доказательства противоположных положений. В начале века наличие на ограниченной территории многослойных стоянок позволило французским исследователям создать схему периодизации палеолита, в основе которой лежала идея стадиялизма. Локальная на момент возникновения, она была распространена на всю Европу. Естественное развитие отечественного палеолитоведения было нарушено социальными потрясениями и сменой идеологии. До 30-х годов «буржуазные» идеи в части периодизации верхнего палеолита не подвергались особенной критике. В «Первобытном обществе» [1938] П.П.Ефименко излагает французские материалы, в частности и Кумба-дель-Буиту, как одной из стоянок средней поры ориньяка [1938: 359]. Он все еще использует соответствующую систему понятий, однако Тельманская стоянка уже открыта, а новое понятие «ориньяко-солютрейское время» появляется все чаще. С одной стороны, новая концепция увлекла П.П.Ефименко. В то время, считал он, в Восточной Европе мустье развивается в солютре с листовидными остриями [Ефименко 1940, 1953, 1956]. Усиление идеологического террора определяло резкость критики западных коллег. В переиздании «Первобытного общества» [1953] Кумба-дель-Буиту описывается в контексте рассуждений о поверхностных приемах исследования, убогости и предвзятости типологических построений. Надежность возраста Кумба-дель-Буиту поставлена под сомнение [1953: 338]. По сравнению с 1938 годом П.П.Ефименко резко сужает территорию распространения ориньяка, из нее выпадает Англия, Германия, Австрия. П.И.Борисковский оказался в этот период одним из немногих последовательных стадиялистов. Материалы Тельманской стоянки не являлись для него причиной пересмотра периодизации палеолита, новой концепции П.П.Ефименко он не разделял, от своих взглядов отказаться не мог, но и в открытую оппозицию к учителю не смел встать.

Однако П.И.Борисковский испытывал трудности в определении ориньяка. Это было связано с неразработанной типологией выделенных французами ступеней, в частности, ориньяка. Подобным образом степень сходства между солютре и селетом сильно переоценивалась. Хотя исследователи Центральной Европы к началу

50-х годов, доказали, что селет не соответствует солютре ни по времени, ни по культуре, ни по происхождению (Г.Фройнд, Ф.Прошек и др.). П.И.Борисковскому казалось, что типологическая характеристика инвентаря не может служить надежным критерием для установления ориньякского возраста. Принадлежность памятника к ориньяку П.И.Борисковский предлагал устанавливать негативным образом, т.е. по отсутствию в инвентаре солютрейских и мадленских черт [1959: 14] В этой ситуации единственный надежный аргумент виделся ему в стратиграфической позиции слоя. Такой подход позволял ему оппонировать П.П.Ефименко, например, в случаях с такими памятниками, как Зиргенштейн, Большой и Малый Офнет и Виллендорф, Стынка Рипичень и некоторыми другими [1959: 8-10]. Любой верхнепалеолитический слой, только потому, что он залегал ниже «солютрейского» мог быть (и в ряде случаев так и происходило) назначен ориньякским. И наоборот, однослойный памятник, не перекрытый «солютрейским» слоем терял шанс стать ориньякским, что и произошло с Кумба-дель-Буиту и Лакостом. В порядке критики западных коллег за «ориньякское увлечение», которое, «как и вся реакция 900-х годов против взглядов Г.Мортилье, было связано с общим процессом деградации буржуазной науки о палеолите», П.И.Борисковский пытается пересмотреть возраст Лакоста и Кумба-дель-Буиту, сравнивая инвентарь последнего с мадленским слоем Плакара и находя между ними сходство в пропорциях скребков, в подтесанных с брюшка пластинах, нуклевидных орудиях, присутствии мустьерских форм [1953: 94]. П.И.Борисковский не избегнул, как и любой исследователь заблуждений и ошибок, однако он сыграл несомненно положительную роль в развитии отечественного палеолитоведения. П.И.Борисковский проявил мужество, обратившись к западным коллекциям и опубликовав свои соображения о них. Надо вспомнить, что дело происходило в атмосфере борьбы с влиянием Запада, с низкопоклонством перед Западом. Ведь у нас и по сию пору не принято писать о коллекциях из Франции или из Италии, что хранятся у нас в наших музеях. А они заслуживают внимания, хотя бы они и заведомо ушербны.

С.А.Васильев
(ИИМК РАН, С-Петербург)

П.И.Борисковский и развитие методики полевого исследования палеолитических памятников в России

1. Работы П.И.Борисковского сыграли важную роль в совершенствовании методов раскопок палеолитических стоянок. С его именем связано формирование ряда принципиально новых

направлений подхода к изучению культурного слоя и распределения в нем находок. К сожалению, выдвинутая П.И.Борисковским около полувека назад идея создания обобщающего руководства по полевой археологии древнекаменного века осталась так и не реализованной в нашей стране. Цель доклада – кратко обрисовать развитие методики изучения палеолитических памятников в отечественной археологии.

2. В дореволюционное время совершенствование методики раскопок пещер заметно опережало таковое для стоянок открытого типа. О послойном стратиграфическом исследовании пещер писали К.С.Мережковский и А.С.Уваров. В первых русских руководствах по полевой археологии (А.А.Спицына и В.А.Городцова) речь шла в основном о приемах изучения пещерных комплексов, памятники же открытого типа изучались преимущественно шурфами и траншеями. На этом фоне интересен уникальный опыт планиграфического исследования, проведенного Н.Ф.Кашенко в 1896 г. на Томской стоянке. В начале нашего века методика вскрытия культурных слоев совершенствуется, и при раскопках в Гонцах и Мезине велась схематическая фиксация культурных остатков.

3. 20-е гг. знаменуют собой важнейшие перемены в области полевой методики, связанные с переходом от стратиграфического исследования к планиграфическим раскопкам, ориентированным на реконструкцию облика древних поселений. П.П.Ефименко и С.Н.Замятнин в ходе работ в Костенках приходят к осознанию возможности открытия следов искусственных конструкций в палеолите. В 1927 г. в Гагарино были впервые идентифицированы остатки углубленного жилища. Особую роль в развитии методики полевых исследований сыграл М.Я.Рудинский. Еще в 1929 г. при раскопках Журавки он применял индивидуальную регистрацию координат и глубины залегания всех находок. Во время этой кампании ему пришла идея фотофиксации вскрываемого слоя по квадратным метрам и расчистки остатков с настила, закрепляемого над исследуемой поверхностью, реализованная позднее в Пушкарях. К сожалению, этот новаторский опыт, непосредственно предвосхищающий приемы, использованные А.Леруа-Гураном в Пенсеване, остался не замеченным современниками. В области изучения пещерных памятников Г.А.Бонч-Осмоловский, не имея непосредственных предшественников, сумел разработать оригинальную методику комплексного исследования, примененную в 1924-1926 гг. в гроте Киик-Коба и позже в Сюрени. Методика Г.А.Бонч-Осмоловского заметно опережала уровень раскопок, проводившихся в то время на западе, и в ряде существенных моментов была близка приемам, разработанным уже после войны Ф.Бордом в Пеш-дель-Азе.

4. Распространенная в 30-е гг. тактика вскрытия широких площадей, ориентированная на изучение пространственного

соотношения остатков, имела свои издержки. Так, П.П.Ефименко рассматривал мощный культурный слой Костенок I как скопление отбросов, аккумуляровавшихся вне жилья, и, возможно, на его кровле. Соответственно, основной задачей было признано выявление основания («пола») культурного слоя с очагами, ямами, землянками, в то время как вопросы внутреннего строения самого слоя были сочтены несущественными. Кроме того, увлеченность одновременной расчисткой культурных остатков на большом пространстве приводила к утрате необходимого стратиграфического контроля.

5. По-иному смотрел на задачу изучения слоя П.И.Борисковский. При раскопках Пушкарей он сочетал горизонтальную расчистку с поперечными профилями, что позволило в итоге выделить в пределах мощного культурного слоя несколько частей, соответствовавших различным периодам обитания и разрушения жилища. При раскопках Боршево II в 1936 г. П.И.Борисковский разработал альтернативную применявшейся в Костенках I методику вскрытия тонких бедных остатками горизонтов залегания. Тщательная расчистка и фиксация остатков в слое позволила ему выделить различные типы скоплений и изучить вариацию состава находок в пределах поселения (сходную методику использовал М.В.Воеводский). С активным изучением позднепалеолитических поселений связан еще один интересный аспект, а именно вопрос о функциональной интерпретации различий в инвентаре стоянок и отдельных участков культурного слоя. Эта линия исследований всецело связана с именем П.И.Борисковского, который одним из первых в мировой археологии осознал сложность факторов, влияющих на облик каменного и костяного инвентаря.

6. Вскрытие культурных слоев широкими площадями с поквдратной регистрацией находок с 50-х гг. становится стандартной методикой раскопочных работ. При изучении остатков жилищ основное внимание уделялось плану, в то время как вопросы внутреннего строения культурного слоя считались мало значимыми. Это подмечал П.И.Борисковский, говоря о необходимости сочетания планиграфического и стратиграфического исследования. В 70-80-е гг. обостряется интерес к вопросам усовершенствования методики. Под влиянием результатов исследований А.Леруа-Гурана в Пенсеване появляются новые приемы вскрытия культурного слоя с упором на индивидуальную фиксацию артефактов и анализ микростратиграфии (работы на Каменной Балке). Серия публикаций Н.Б.Леоновой дала толчок к развитию планиграфических исследований распределения каменного инвентаря и костных остатков на площади поселения. С 70-х гг. перед учеными встают новые проблемы геоархеологического плана, связанные с необходимостью понять процесс накопления культурных остатков и

оценить степень пост-депозиционных нарушений (работы Г.И.Медведева, С.А.Несмеянова).

7. К сожалению, начиная с 80-х гг., техническое отставание отечественных археологов от лучших образцов зарубежной науки выступает все отчетливее. В настоящее время в мировой практике ведения раскопок в основе лежит регистрация находок и структур с помощью новейших геодезических приборов, подсоединенных к компьютеру. Частично подобный разрыв может быть преодолен посредством организации совместных экспедиционных работ.

К.Н.Гаврилов
(ИА РАН, Москва)

Археологический контекст сунгирских погребений

Решение вопроса о соотношении погребений и культурного слоя Сунгирской стоянки затруднено состоянием имеющихся в распоряжении исследователя источников. Применявшаяся при раскопках методика разборки слоя по условным горизонтам не позволила зафиксировать уровень, с которого были впущены могильные ямы. По мнению О.Н.Бадера, он находился примерно на 20 см выше контакта т. н. почвенно-культурного слоя и подстилающей его слоистой супеси. Учитывая опубликованные сведения о глубине залегания погребений относительно верхней границы культурного слоя, а также данные о мощности условных горизонтов на раскопе II, реконструируемый таким образом уровень дневной поверхности поселения во время образования могильных ям примерно совпадает с нижней границей третьего условного горизонта. Основанием для данной реконструкции послужило мнение О.Н.Бадера о том, что искомая дневная поверхность маркируется черепом верхнего погребения могилы 1, обнаруженного на 15 см выше контакта погребённой почвы и подстилающей супеси. Глубина верхнего погребения могилы при этом определялась в 5-10 см. Таким образом, сунгирские погребения оказывались спущенными с уровня нижней трети погребённой почвы.

Между тем, зафиксированные особенности залегания находок, а также окрашенных участков культурного слоя, позволяют прийти к иным выводам. Во-первых, череп верхнего погребения могилы 1, согласно наблюдениям О.Н.Бадера, был заполнен землёй лишь частично, что свидетельствует о его хорошей сохранности. Последнее вряд ли было бы возможно при небольшой глубине погребения. Во-вторых, начиная с уровня 20-30 см над черепом, при разборке культурного слоя фиксировались отдельные крупинки

и мазки охры. Учитывая, что череп верхнего погребения залегал на подсыпке из охры, вполне вероятно, что охристые пятна над ним отмечают заполнение могильной ямы. В этом случае погребение оказывается спущенным примерно с уровня второго условного горизонта или верхней трети погребённой почвы. Аналогичная картина вырисовывается при анализе особенностей культурного слоя на месте расположения могилы 2. Верхнее погребение в данном случае было зафиксировано на 3-5 см ниже контакта погребённой почвы и слоистых супесей, на глубине 78 см от верха культурного слоя. Однако первые признаки этого погребения проявились значительно выше – на глубине 37 см от начала находок, в виде тёмного пятна неправильной формы с включением пятнышек охры. Характерно, что это пятно имело такую же ориентировку, что и могила 2: с ю-з на с-в. Несколько ниже в процессе раскопок было зафиксировано значительное количество сверлёных бус из бивня и клыков песка. О.Н.Бадер рассматривал эти находки в качестве доказательств разрушения верхнего погребения процессами солифлюкции. Этот вывод вызывает сомнение, прежде всего потому, что направление разброса бус и подвесок из клыков песка не совпадает с направлением смещения горизонтов гумуса погребённой почвы, традиционно увязываемых с воздействием солифлюкции. Поперечные профили могильной ямы и её заполнения дают основания для вывода о том, что верхнее погребение могилы 2 могло быть устроено в яме, значительно более широкой по сравнению с ямой детского погребения. Не исключено, что яма верхнего погребения могла быть впущена в яму погребения детей, о чём свидетельствует, прежде всего, характер заполнения могилы 2. В этом случае бусы и подвески составляли часть заполнения верхнего погребения, впущенного, учитывая отметку -37 см, с уровня второго условного горизонта.

Анализ распределения каменных орудий, а также археологических объектов по условным горизонтам на площади т. н. раскопа II показывает, что погребальный комплекс Сунгирского поселения сформировался после прекращения функционирования большинства очагов и ритуальных ям, располагавшихся вокруг погребений, и во время образования скопления артефактов, которые О.Н.Бадер рассматривал в качестве остатков жилища.

П.И.Борисковский на фоне социальной психологии первой половины XX века

Павел Иосифович Борисковский является заметной фигурой в истории нашей науки, одним из тройки лидеров (Замятнин никак не хотел быть лидером). Его роль в изучении палеолита еще только будет понята, и я надеюсь, правильно. Пока же есть только служебные характеристики.

Обычно становление заметной личности трактуют как путь по восходящей. Сначала он был учеником, и все воспринимал от учителя, потом стал творцом и создал гипотезу, которая конечно подтвердилась. При этом среда, в которой создавал Борисковский или Рогачев свои построения, оказывается, самое большое в роли зрителя. Собственно, именно так нарисовал путь своего учителя и сам П.И.Борисковский. Но мы, свидетели творческого пути наших уважаемых учителей, хорошо знаем, что дело обстояло совсем не так.

П.И.Борисковскому повезло – в начале пути. Он при своем буржуазном происхождении, однако, сумел поступить в университет и, оставаясь студентом, попал еще и в ГАИМК. Он был в достаточной степени подготовлен к университетским занятиям и к научной карьере – на фоне своих однокурсников, что из пролетарской или крестьянской среды. Правда, среди его друзей/однокурсников были и представители буржуазии (Кричевский, Бернштам), они же – комсомольцы. Он был первым, приготовленным в ЛИФЛИ/ГАИМК узким специалистом по археологии палеолита. Обычно говорят о Ефименке как первом специалисте, и притом узком, в области палеолита. Но П.П.Ефименко был принят в ГАИМК в 1925 г. на должность заведующего отделением этнографии (и занимался этнографическим обследованием северо-запада) и был ученым старого склада – он исследовал сегодня культовые места чувашей, завтра финские могильники, потом – боршевские городища. Его положение в науке археологии ближе к В.А.Городцову, хотя они далеко не тождественны. Одним словом, он был ученый-энциклопедист, как его правильно назвал Б.А.Рыбаков. А Павел Иосифович был первым в рядах отечественных археологов, кто был «палеолитчиком». По эрудированности он не уступал П.П.Ефименко. Он блестяще защищает диссертацию именно по палеолиту, и по палеолиту в европейском масштабе. Конечно, он прикладывает к археологическому материалу гипотезы столетней давности – Моргана и Энгельса, но это в 30-е годы было так свежо! Прекрасное начало, и молодой Борисковский – конечно, комсомолец, а его

руководитель – один из директоров/руководителей ГАИМКа – С.Н.Быковский. Он был – идеальное воплощение молодого ученого-марксиста (если не считать происхождения), но он не был в своем поколении лидером, и, конечно, не был крикуном. Друзья трактовали его как тугодума, отягощенного знаниями. Место лидера было занято – тут и Бибииков, и Бернштам.

Однако выходит №3 «Советской археологии» (1937), сданный в набор 2 февраля 1937 года. И оказывается, что Быковский – вовсе не старый большевик, а троцкистский вредитель, предатель. Он «пытался подвергнуть сплошной ревизии взгляды Энгельса на первобытное общество, отрицал периодизацию Энгельса-Моргана, доказывал существование особой тотемической стадии ... нагло извращал мысли Ленина о первобытной религии». «Кипарисовы, Пригожины, Быковские никакого отношения к науке не имели, не владели ни фактами, ни приемами научного исследования». И напротив, «троцкистские вредители искусственно насаждали склоку среди научных работников, натравливая их друг на друга, захваливали не по заслугам молодежь и обостряли отношения молодых и старых ученых». Да, это все про П.И.Борисковского и его друзей, и про Ефименко и Быковского. Известно, что Ефименко считал аспиранта Борисковского серым, достойным только лишь украсить краеведческий музей в Самаре или в Саратове, а за оставление его в ГАИМКЕ был именно Быковский. За недонесение на вредителя-учителя Борисковского исключили из ВЛКСМ. Нам, людям другого поколения, и не представить себе, что пережили комсомольцы, и П.И.Борисковский среди них, в этот год. Это никак не помещается в картину успешного продвижения в науке Борисковского, как это рисуют в последующее время. Конечно, этот момент величайшего потрясения. Это – конец карьеры, это – угроза жизни. Ибо: «Гнусный призыв вредителя Быковского к ревизии взглядов Энгельса нашел отклик, например, со стороны П.И.Борисковского. В своей книжке «К вопросу о стадильности в развитии верхнего палеолита», вышедшей с предисловием и под редакцией Быковского, П.И.Борисковский не остановился перед тем, чтобы прямо заявить: «эта часть работы Энгельса в наибольшей степени требует уточнений и видоизменений.» Невероятно представить себе, как можно было найти в себе силы работать после этого, под угрозой ликвидации. Уж во всяком случае, после этого психология исследователя изменилась, вернее, была искажена. А автор этих строк в журнале «Советская археология» продолжал исповедовать тотемизм и играл до 1947 года временами решающую роль в жизни нашего учреждения. Но затем стал космополитом.

Да, признаки этого потрясения ощущаются в дальнейшей ученой жизни Павла Иосифовича. Он исправно пишет в дальнейшем, что это П.П.Ефименко (а не П.И.Борисковский) предложил считать общественное устройство людей верхнего палеолита – родовым

строем, что статуэтки палеолита отражают матриархальное устройство этого общества. Но вполне возможно, что он был на стороне другого, неизвестного таланта своей эпохи (30-е гг.) – А.М.Золотарева. А Золотарев в самом деле наглядно показал, что в концепции Энгельса мало исторического материализма, а построение Ефименко – это упрощение до максимума того приличного, что содержится в книге Энгельса. Недаром про рецензию Золотарева (1939) на великую книгу Ефименко никто не вспоминает.

Однако дальше дело пошло лучше. В комсомоле П.И.Борисковского восстановили по прошествии положенного срока, его взяли в коллектив Деснинской экспедиции Московского Университета (М.В.Воеводский). Кстати, А.М.Золотарев работал (его приютили после изгнания из ГАИМК) именно в Институте Антропологии МГУ. Презрительное отношение Петра Петровича к молодому специалисту можно было и забыть, но нельзя было забыть урок 1937 года. П.И.Борисковский приходит в себя и находит силы занять самостоятельную позицию. Как известно, с 1937 года и далее П.П.Ефименко провозгласил, что схема, которая во Франции, для нас не подходит. У нас свои (крупные) ступени периодизации, в частности, ориньяк – узколокальное явление, а не ранняя пора верхнего палеолита. Это первый сказал Гуго Обермайер, но у нас этого никто и никогда не знал. А верхний палеолит начинается, согласно новой концепции Ефименки, с памятников типа Тельманской. Тот, кто думает, что Рогачев первый и вопреки Ефименке провозгласил это, тот не знает действительной (внутренней) истории нашей науки. Пока же, перед войной, между 37 и 41 годом, Рогачев об этом мне думает, он занят своей Александровкой, но свою точку зрения выражают два человека, которые были не в восторге от манер и научной этики Ефименки: Замятнин и Борисковский. Они оба не приняли ранний возраст Тельманской. Мнение обоих было зафиксировано и опубликовано в 1940 г. Мнение того и другого Ефименко проигнорировал, но в итоге, через 25 лет, вышла статья, написанная Борисковским, но к его имени было добавлено имя Ефименко. В статье (МИА 59) была, конечно, изложена точка зрения Петра Петровича. В этом весь Борисковский. Написание текста, изложение материала было возложено Петром Петровичем на Павла Иосифовича, и он не спорил, а изложил, как ему велели. Видимо, ему всю жизнь было неудобно за этот поступок, – хотя поступок-то Ефименки, а не Борисковского. Тем более что раскопал-то памятник Рогачев, а писать текст Ефименко доверил П.И.Борисковскому. Но у Ефименки были трудности с выполнением плана, и отказывал ему и по этой причине было ну никак невозможно! Павел Иосифович никогда не оправдывался, но в этом случае сделал исключение из своих правил и объяснил на заседании сектора (незадолго до смерти), как

обстояло дело. Правда, среди слушателей мало кто понимал суть излагаемого... Он был самостоятелен и в части методики раскопок. У себя в Деснинской экспедиции он позволил себе натуральный (!) разрез через жилище Пушкарей. Он поставил на секторе вопрос о натуральном разрезе, и отстоял свои права на разрез. Рогачев же и в 70-е годы отрицал полезность такого разреза.

Наконец, главное дело его жизни: большая работа по палеолиту Украины, которая стала докторской диссертацией. Собственно, главным требованием к докторской является ее массивность. Это требование было выполнено, ибо к 1950 г. Украина стала много больше довоенной, включала Буковину с палеолитом, вскоре ставшим многослойным, Днестр, на берегах которого работала экспедиция питерских археологов, где нашел свое место и Борисковский. Он лелеял надежду найти много ашеля на Украине, но его нужно было, как оказалось, искать не в Буковине, а совсем рядом – в Венгрии (Королево). П.П.Ефименко считал, что на Украине мало материала, не советовал Борисковскому делать украинский материал основой докторской. Но, естественно, тут дело было не в материале. Ведь П.П.Ефименко хотя и руководил экспедицией «Большой Киев» и писал статьи про истоки бронзы Прикамья, а он был, прежде всего, – единственный в стране доктор с палеолитической тематикой. А тут он становился одним из двух, что меняет дело. И что было бы более подходящим материалом для докторской? Палеолит Дона? С первыми послевоенными годами совпадает новая проработка П.И.Борисковского. На этот раз ему в вину ставится стадиализм и марризм. Мероприятие в этом случае имело всесоюзный масштаб (космополитизм, преклонение перед Западом), и даже исправительные меры имеют иной размах. Борисковский обязан был ходить на занятия по разоблачению космополитизма, где познакомился со многими интересными людьми. Как он рассказывал, с этого момента он уже не мог переносить разоблачающий/карающий голос партийного руководителя. А коллектив его друзей уже распался: кто умер, кто уже изменился до неузнаваемости... П.П.Ефименко очень ревностно относился к работе Павла Иосифовича. Он опубликовал в виде рецензии на Палеолит Украины свое выступление на защите П.И.Борисковского, но, кажется, на защите он его (отзв) не произнес, поскольку в это время работал директором Института Археологии на Украине. В своей диссертационной работе Борисковский сохранил свою позицию в ряде моментов. Он продолжал отстаивать существование ориньяка в Европе, как ранней стадии верхнего палеолита, его ранней поры. Но это отстаивание имело странный характер. Борисковский опускал ориньяк в стратиграфическом положении – ориньяк Костенок I и ориньяк Сюрени. С ориньяком Костенок его сбил с толку А.Н.Рогачев. Рогачев считал, что если ориньяк залегает между двумя

солютрейскими слоями, то он никак не может считаться ориньяком. Между тем, он понимал, что это – ориньяк; поскольку отмечал: самый похожий на 2/3 слой Костенок материал – это Сюрень. У Борисковского было много материала в пользу существования ориньяка, и не просто ориньяка, а ориньяка как ранней поры верхнего палеолита. Интересно, что Рогачев отвергал древность десятого слоя Молодовы V, и, прежде всего, потому, что не верил в ориньяк, да и не очень представлял его себе. Вопреки своему тезису о разнокультурности ранней поры верхнего палеолита, он считал более желательным, чтобы ранние памятники имели селетский облик. Хорошо известный отечественный ориньяк мало кого убеждал, хотя у каждого, как мне кажется, были свои соображения по этому поводу. Много туману напустил Ефименко, когда нашел в Костенках 2 и 3 ориньяк. Позже он отрицал существование ориньяка на Русской равнине. О Сюрени он говорил вяло и неохотно.

Когда П.П.Ефименко уходит руководить украинской археологией, руководителем сектора палеолита становится не П.И.Борисковский, которому бы и книги в руки, как он любил говорить. Годы наиболее плодотворные у него ушли на контроверзу с А.Н.Рогачевым. Конечно, сама жизнь противопоставила этих людей, разных во всех отношениях. Жаль только, что их споры довольно быстро приняли личный характер, и выяснению вопроса это только помешало. Предложенные понятия, как-то археологическая культура, не были определены. Это привело к переменам, но не к уяснению вопроса. Конечно, гибель стадиялизма была предопределена причинами внеучными. Да и теория, развитие общих положений в этой тогдашней атмосфере не могло иметь место.

Итак, жизнь П.И.Борисковского была несладкой. Он прошел через испытания, потрясения, ему пришлось уступить в научном споре, когда уже вроде бы проигрыш/выигрыш был не столь опасен... Но он в буквальном смысле сдал свои позиции, оставил Костенки, принял концепцию Рогачева, когда стал говорить о Костенках как о месте смешения разных культурных групп. Ведь он сам допускал разницу в культуре населения палеолитического времени, но не столь принципиально резкую, как разницу между ранней и поздней порой верхнего палеолита. Он уступил в вопросе об ориньяке, но перед этим он написал ряд статей в пользу этой концепции. В дальнейшем он уже не возвращался к данному материалу и к этой проблематике, и наверно, он был прав. Что ж, если аудитория тебя не слушает, зачем надрывать голос? А что же творилось у него в душе? Вот чего мы уже никогда не узнаем. В его биографии трагично то, что он умер, так и не узнав о своей правоте в спорах 50-х годов. На мой взгляд, многие решения были предопределены его характером. А характер у него все-таки был покладистый. Он заранее признавал авторитет того или иного

специалиста по определенной проблематике. Такими авторитетами для него были и Франсуа Борд, и специалист по искусству палеолита, и молодой аспирант. Он жил в эпоху твердых убеждений, которые часто заменяли знание. И при этом он позволял себе уважать чужое мнение.

Г.В. Григорьева
(ИИМК РАН, С-Петербург)

О времени существования верхнепалеолитических памятников Поднепровья

Поднепровье – один из центров развития верхнего палеолита, отличающийся от других в Восточной Европе характером материальной культуры. Памятники Поднепровья принадлежат охотникам на мамонтов, о чем свидетельствуют многочисленные фаунистические остатки, среди которых преобладают кости мамонтов и песцов.

Возраст стоянок базируется на стратиграфических, археологических и радиоуглеродных данных.

По геологическим источникам, наиболее активное заселение Поднепровья происходило во время похолодания поздневалдайского оледенения [Величко и др. 1997: 165-168]. Выделено три периода освоения данного региона.

Первый, наиболее ранний верхнепалеолитический период заселения, относится к финалу брянского интерстадиала 25-22 тыс. л.н. Это время бытования Хотылева 2, Новгород-Северской, Бердыжа, Юровичей и более северных стоянок Русской равнины: Зарайской, Сунгирия, Бызовой, Русанихи.

Второй период касается поздневалдайского оледенения 20-16 тыс. л.н., но даже во время максимального похолодания 20-18 тыс. л.н. люди не покидали этих мест. К нему относятся Елисеевичи 1, Пушкири 1.

Третий период принадлежит валдайскому позднеледниковью 15-12 тыс. л.н. Многочисленные памятники этого времени обнаружены в бассейнах Днепра, Десны, Судости. По условиям местоположения выделено два типа стоянок. Первый тип – это памятники на высоких террасах или водоразделах, вблизи выходов меловых пород, содержащих кремний – сырье для изготовления орудий. Среди них Тимоновка 1, 2, Чулатово, Мезин и др. Второй тип непосредственно связан с первой надпойменной террасой притоков Днепра. Памятники располагались возле рек на высоких участках, и были удалены от источников сырья. К примеру, Юдиновское поселение.

Итак, судя по имеющимся данным, начиная с брянского

интерстадиала и до позднеледниковья, охотники на мамонтов не покидали Поднепровья.

По характеру материальной культуры верхнепалеолитические стоянки Поднепровья можно отнести к мадленскому кругу памятников. Развитая пластинчатая техника каменного и костяного инвентаря. Среди каменных орудий преобладание резцов над скребками. Из резцов абсолютное большинство принадлежит боковым ретушным. Выразительны серии пластинок с притупляющей и мелкой краевой ретушью разных модификаций. Обилие костяных изделий от орудий охоты и труда до украшений и произведений искусства. Геометрический орнамент, достигший наибольшего развития в мадлене.

Радиоуглеродные даты, полученные для позднеледниковых памятников, 15-12 тыс. л.н., соответствуют мадленскому времени Европы.

Вместе с тем экономика поселений Поднепровья отличается от экономики мадленских памятников Западной и Центральной Европы.

Ю.Э.Демиденко

(Крымский филиал ИА НАН Украины, Симферополь)

Сюрень-1 (Крым) и степная зона верхнего палеолита юга Восточной Европы

Выделение в 1964 г. П.И.Борисковским «особой степной области развития позднеледниковой культуры» [Борисковский 1964; Борисковский, Праслов 1964] послужило мощным импульсом в плане как продолжения интенсивных поисков и исследований стоянок верхнего палеолита в Северном Причерноморье и Приазовье, так и всестороннего анализа и интерпретации комплексов их находок. Есть и сторонники, и противники выделения степной зоны. Специалисты, радикально не согласные с правомерностью ее выделения (прежде всего М.Д.Гвоздовер и Г.В.Григорьева), с самого начала резко высказывали мнение о том, что степной зоны «ни как родственной по культуре группы памятников, ни как единой культурно-хозяйственной области не существовало» [Гвоздовер 1967: 100]. Действительно положение о значительной индустриальной, т.н. культурной вариабельности верхнего палеолита юга Восточной Европы принимается в настоящее время всеми археологами. Достаточно здесь процитировать самого П.И.Борисковского [1984: 349-350] – «Культуры аккаржанская, мураловская, амвросиевская и каменнобалковская, обнаруживающая связи с имеретинской

культурой Кавказа, входят в стенную историко-культурную область, охватывавшую степи Северного Причерноморья-Приазовья». Поэтому основным фактором обоснования выделения степной зоны для П.И.Борисковского [1984: 350] выступает хозяйственный аспект – «... примером ... природно-хозяйственного единства, возможно, в действительности является степная историко-культурная область, которую объединяют сходные формы хозяйства и сходный в некоторых общих чертах характер каменных изделий. Культуры, входящие сюда, различны». В связи со степной зоной П.И.Борисковский не оставлял без внимания и Крым – «Сюрень-1, возможно, примыкающая к степной области» [1984: 350]. Вопрос соотношения верхнепалеолитических комплексов Сюрени-1 и памятников степной зоны совершенно правомерен с точки зрения учета палеогеографической ситуации юга Восточной Европы времени интерпленигляциала – 2-го пленигляциала вюрма (около 50 000 – 18-17 000 лет назад). В то время Крым не был, как сейчас полуостровом, а представлял собой южную оконечность широких сплошных территорий юга Восточной Европы от Восточных Балкан на западе до Северного Кавказа на востоке.

На базе данных исследований 1879-1880 гг., 1926-1929 гг. [Бонч-Осмоловский 1934; Векилова 1957] и особенно 1994-1997 гг. [Demidenko et al. 1998; Демиденко 1998; 1999; 2000] общая культурно-хронологическая последовательность эпизодов заселения коллективами людей навеса Сюрень-1 в палеолите, следуя базовому подразделению археологической стратиграфии памятника на 3 культурных слоя по Г.А.Бонч-Осмоловскому, может быть представлена в хронологическом порядке снизу вверх ниже следующим образом.

Нижний слой 1920-х гг. / пачка археологических горизонтов «Г» 1990-х гг. и археологический горизонт «Н» 1990-х гг. представляют находки 2-х попеременных эпизодов заселения навеса в период времени интерстадиала арси (около 31 500 – 30 000 лет назад) неандертальцами крымской микокской традиции в ее книккобинском индустриальном выражении и Homo sapiens раннего ориньяка типа кремс-дюфур.

Средний слой 1920-х гг. / пачка археологических горизонтов «Ф» 1990-х гг. – артефакты посещений навеса коллективами людей позднего ориньяка типа кремс-дюфур во время или финала интерстадиала арси (около 30 000 лет назад), или, что более вероятно, интерстадиала мезьер (около 29 300 – 27 000 лет назад).

Верхний слой 1920-х гг. / археологические горизонты «А» – «Е» 1990-х гг. подразделяются на 4-е эпизода заселения:

Верхнепалеолитический эпизод индустрии позднего ориньяка типа кремс-дюфур (около 27 000 лет назад) – часть

стратиграфически нижних находок Верхнего слоя 1920-х гг. и артефакты горизонта «Е» 1990-х гг.

Верхнепалеолитический эпизод граветтской индустрии (около 24-23 000 – 20 000 лет назад) – находки, в основном, 3-го «горизонта взятия» верхнего слоя 1920-х гг. и артефакты горизонта «D» 1990-х гг.

Верхнепалеолитический эпизод эпиграветтской индустрии (около 19-18 000 – 15 000 лет назад) находки, преимущественно, 1-го и 2-го «горизонтов взятия» верхнего слоя 1920-х гг. и артефакты пачки горизонтов «А» и некоторые переотложенные орудия «гумусных отложений» 1990-х гг.

Финальнопалеолитический эпизод «крымского азиля» – шанкобинской индустрии (интерстадиал аллеред – около 11 800 – 10 800 лет назад) – 2-а дискретных «пятна находок» 1-го и 2-го «горизонтов взятия» верхнего слоя 1920-х гг.: *западное* – кв. 8-9 – В-Г и 10-11 – Г (около 8 кв. м) и *восточное* – кв. 24 – Е-Ж (около 8 кв. м).

Сравнение индустрий верхнего палеолита Сюрени-І с верхнепалеолитическими памятниками степной зоны ведет к еще большей мозаичности общей картины индустриальной («культурной») вариабельности верхнего палеолита юга Восточной Европы в период времени от не менее чем 30 000 лет назад до приблизительно 15 000 лет назад. К тому же, эта индустриальная вариабельность дополнительно осложняется как территориально различными исходными центрами, откуда коллективы людей с совершенно неодинаковыми традициями кремнеобработки и адаптаций жизнедеятельности появлялись в Северном Причерноморье и Приазовье, так и отсутствием каких-либо реальных данных по локальной преемственности и/или трансформации со временем одних традиций и адаптаций в другие. Поэтому в настоящее время у активных сторонников (например, М.В.Аникович) выделения особой степной историко-культурной области все-таки нет достаточных аргументов для ее обоснования. Напротив, юг Восточной Европы был скорее «проходным двором» на пути различных по своим причинам миграций коллективов людей в палеолите и изучение именно этого аспекта для палеолита этой территории является одним из наиболее перспективных.

К вопросу о значении специфических типов

Понятие «специфические типы» было введено в археологию камня в середине 60-х годов М.Д.Гвоздовер и Н.Д.Прасловым. Смысл его сводится к тому, что специфичность той или иной культуры в палеолите определяется несколькими, зачастую одним-двумя присущими только ей типами орудий, в то время как остальные типы образуют лишь общий контекст, сам по себе не дающий возможности отнесения данных материалов к какой-либо конкретной культуре. Это в большинстве случаев не означает полной аморфности общего контекста, просто подчеркивает различные уровни точности определения положения конкретных материалов среди всей массы археологических находок.

Понятие «специфический тип» не вызвало дискуссий в археологической литературе, и если не все исследователи признают правомочность его существования, то громадное большинство давным-давно использует его де-факто, некоторые при этом именуют «культуроопределяющим типом». Думаю, что не ошибусь, если скажу, что для поколений археологов, обучавшихся, по крайней мере, в 80-90-е годы, было бы странным рассматривать этот вопрос иначе. В самом деле, при характеристике любой культуры эпохи палеолита – мезолита, первым признаком является набор специфических типов каменного инвентаря, и лишь затем – общий набор типов и категорий орудий, процентное соотношение таковых (если до него вообще доходит дело), характеристика структуры поселения, конструкции жилищ, искусства, которые являются чрезвычайно яркими признаками в культурном отношении, если, конечно, имеются вообще в распоряжении археолога. Мне думается, что для исследователей палеолита и мезолита понятие «археологическая культура» имеет существенную специфику и весьма отличается своим содержанием от того, что в него вкладывают исследователи более поздних эпох.

Специфические типы, вернее, и это важно, совокупность специфических типов, являются кратчайшей культурной характеристикой каменной индустрии, ее «визитной карточкой». Что такое, в двух словах, костенковская культура? Нож костенковского типа и наконечник с боковой выемкой. Свидерская культура – это свидерский наконечник и нуклеус т.н. «мазовшаньского типа», а яниславицкая культура – это, прежде всего, яниславицкие острия. И так далее.

Несмотря на важность специфических типов, как яркой характеристики индустрии, они никогда не должны рассматриваться вне контекста, создаваемого как другими

специфическими типами, так и неспецифическими типами артефактов. Поэтому, если наконечники, подобные костенковским, встречаются совершенно в ином контексте, то и нет оснований говорить о костенковской культуре. Кроме того, существует проблема индивидуального восприятия исследователя. Все специфические типы в каждом случае достаточно хорошо описаны с точки зрения морфологии, многократно опубликованы их рисунки, тем не менее, часто что-либо похожее или даже отдаленно напоминающее выдается за конкретный специфический тип, а отсюда уже следуют многозначительные выводы. В этом отношении весьма не повезло свидерскому наконечнику, общая идея которого чрезвычайно проста, а потому и весьма широко распространена во времени и пространстве. В упрощенном понимании это черешковый наконечник на пластине с коническим окончанием и минимумом подправки. Однако, он имеет свою собственную свидерскую морфологию (если ее не упрощать), технологию изготовления, и тем существенно отличается от всех прочих черешковых наконечников на пластинах, которые пытаются отнести к свидерской культуре (общности и т.п.), игнорируя, к тому же общий контекст.

К таким ярко выраженным специфическим типам можно отнести, безо всякого сомнения, острия «верхнего горизонта» Александровской стоянки, а именно те, основание которых оформлено резцовыми сколами, в большинстве случаев в виде срединного резца. Надо отметить, что оформление срединного резца было любимым технологическим приемом обитателей этой стоянки и применялось чрезвычайно широко, причем во многих случаях эти резцы служили вовсе не для резания, а, например, для подготовки проксимальной части орудия для рукояти. Я имею в виду, что многие из них не имеют характерных для резцов следов износа.

Не менее специфическим типом для этой стоянки являются и сланцевые шлифованные диски, образующие (считая фрагменты) представительную серию из 54 предметов; оббитые сланцевые диски (42 пр.) также можно включить в этот «почетный» список. Контекст состоит из микропластинок с ретушью, острий на микропластинках, небольшой, но чрезвычайно специфичной серии бифациально обработанных предметов, в том числе миниатюрного наконечника с боковой выемкой. И вся эта совокупность заставляет задуматься, не имеем ли мы дело в данном случае с еще одной палеолитической культурой, причем довольно яркой?

Материалы П.И.Борисковского в фотоархиве ИИМК РАН

Фотоматериалы, связанные с именем Павла Иосифовича Борисковского, поступали в фотоархив Института истории материальной культуры РАН с 1934 по 1976 г. Они подразделяются на четыре комплекса: персоналия, материалы археологических исследований, иллюстрации к печатным работам и зарубежные поездки.

Персоналия. 1) П.И.Борисковский на раскопках в Боршево (О.205/38). Сн. 1929 г. 2) П.И.Борисковский на раскопе на оз. Грязное (О.1135/14). Сн. Камской эксп., 1935 г. 3) Портрет старшего научного сотрудника ИИМК АН ССР П.И.Борисковского (нег. II 44615). Сн. 1940 г. 4) Портрет П.И.Борисковского, политработника на Ленинградском фронте (О.3030/1, нег. I 58647, II 80539). Сн. 1941–1945 гг. 5) Портрет старшего научного сотрудника ЛО ИИМК АН СССР П.И.Борисковского (нег. I 65754). Сн. 1949 г. 6) Групповой портрет: П.И.Борисковский, С.И. Капошина и А.Н. Бернштам (нег. I 65759). Сн. 1949 г. 7) Портреты П.И.Борисковского (нег. I 58648, к. 1813/4–5, л. 1914). Сн. 1950 и 1960 г. 8) П.И.Борисковский во время экскурсии на раскопки И.Г. Шовкопляса в Доброничевке (О.2683/56–57). Сн. 1967 г. 9) П.И.Борисковский с сотрудниками Молдавского палеолитического отряда (О. 1709/13). Сн. 1974 г. 10) П.И.Борисковский с группой вьетнамских археологов во время поездки во Вьетнам (О.2832/126, 141). Сн. 1976 г. 11) Портрет заведующего сектором палеолита П.И.Борисковского (нег. I 101589–101591). Сн. 1980-х гг.

Материалы археологических исследований.

1934 г. Раскопки палеолитических местонахождений по р. Оке близ Муром (Карачарово, Елин Бор, Ясаково): виды местности, раскопов, чертежи и находки. Материалы к раскопкам: место палеолитической стоянки в с. Карачарове по раскопкам 1878 г. Полякова, Уварова и Докучаева; карта археологических памятников б. Скопинского у. Рязанской губ. по исследованиям Н.П. Милонова 1924–1925 гг. (О.980, О.1028).

1936 г. Раскопки палеолитической стоянки Боршево II, Воронежская обл.: планы культурных слоев и кремневый инвентарь (О.1009).

1937–1939 гг. Раскопки Деснинской экспедиции стоянки Пушкари I: полевая работа, планы, археологическая карта р. Десны, находки (О.741, О.1009, О.1709).

1946 г. Материалы сборов у Луки Врублевцевой: рисунки находок (О.1564).

1949 г. Раскопки позднепалеолитического местонахождения у с. Амвросиевка: полевая работа, планы и находки (О.1709).

1950 г. Раскопки стоянок у с. Амвросиевка, Новоклиновка II и местонахождений по р. Крынке: полевая работа, чертежи и находки (О.1709).

1952 г. Раскопки и обследования кремневых мастерских по р. Миус и в Новоклиновке: полевая работа, чертежи и зарисовки находок (О.2173).

1953 г. Раскопки палеолитических стоянок Костенки II, X, XVIII: полевая работа, чертежи, находки и реконструкция черепа кроманьонца (О.2173).

1954 г. Раскопки в окрестностях Тирасполя: археологическая карта, план стоянки и зарисовки находок. Материалы обследования в с. Гребеники Одесской обл.: полевая работа. (О.2173).

1955 г. Раскопки палеолитического поселения Костенки XVII: полевая работа, чертежи и находки (О.1958).

1956 г. Раскопки палеолитических стоянок Костенки II и III (XIX): полевая работа, чертежи и находки (О.2054).

1957 г. Раскопки палеолитической стоянки Костенки XIX: полевая работа, чертежи и находки (О.2086).

1958 г. Материалы обследований в Белгородской области: находки (О.2144).

1959 г. Раскопки кремнеобрабатывающих мастерских в Белгородской области: полевая работа, чертежи и рисунки находок. Раскопки палеолитической стоянки на р. Б. Аккарже у с. Великодолинского Одесской обл.: полевая работа, чертежи и находки (О.2244).

1961 г. Раскопки и обследования палеолитической стоянки Б. Аккаржа и местонахождения «Глобус» у с. Степановка Одесской обл.: полевая работа, чертежи и находки (О.2322).

1962 г. Раскопки Одесского палеолитического отряда: чертежи, карты и находки (О.2322).

1963 г. Раскопки мезолитической стоянки Гиржево в Одесской обл.: полевая работа, чертежи и рисунки находок. Раскопки позднепалеолитических стоянок Курск I и II: полевая работа, чертежи и рисунки находок (О.2437, О.2424).

1964 г. Раскопки позднепалеолитической стоянки Курск I: полевая работа, чертежи и рисунки находок (О.2495).

1965 г. Обследования, раскопки палеолитических и мезолитических местонахождений Николаевской и Одесской обл.: виды местонахождений, планы стоянок и зарисовки находок (О.2495).

1966 г. Раскопки палеолитической стоянки у с. Казанка Николаевской области: полевая работа (О.2495).

1968 г. Раскопки палеолитической стоянки Каменка I в Одесской обл.: полевая работа, чертежи и рисунки находок (О.2495).

1971 г. Раскопки мезолитической стоянки Червоный Яр в Одесской обл.: полевая работа (О.2495).

1974 г. Раскопки палеолитических и мезолитических памятников в Молдавской ССР: полевая работа (О.2495).

Иллюстрации к работам размещены в следующих альбомах:

Q 494, О. 914. Материалы к теме «Становление общества».

Q 620. «Палеолитическая стоянка Борщево II».

О.1028. «Эпипалеолит бассейна р. Оки».

О.1087. «Палеолит и неолит СССР».

О.1253, О.1709. Материалы, исполненные по заказу П.И.Борисковского: раскопки В.В. Хвойко в Киеве; добывание огня трением; «Кирилловская палеолитическая стоянка»; «Начальный этап первобытного общества».

О.1772. «Древнейшее прошлое человечества»: таблицы рисунков жилищ, планы, реконструкции; «Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе»: план погребения в Киик-Коба и зарисовка орудий; «Палеолит Украины»; «Палеолитические жилища».

О.2279. «Древнепалеолитическое метонахождение среднего Поднестровья»: рисунки ручных рубил из Луки Врублевецкой; «Гора До – первый древнепалеолитический памятник Вьетнама»: таблицы каменных орудий; «Палеолит Украины»; «Палеолит бассейна Днепра и Приазовья» (в соавторстве с Н.Д.Прасловым); «Очерки по палеолиту бассейна р. Дон»; «Тельмановское палеолитическое поселение» (в соавторстве с П.П. Ефименко).

О.2561. «Гора До – первый древнепалеолитический памятник Вьетнама»: таблицы каменных орудий; «Первобытное прошлое Вьетнама»; «Мезолитическая стоянка Казанка близ Кривого Рога»; «Археология во Вьетнаме в наши дни».

Материалы к зарубежным поездкам

Альбом О.2828. Материалы научной командировки в Чехословакию 1957 г.: виды местностей, археологических памятников Моравии, Словакии; виды Праги и Брно (отп. – 53); материалы научной командировки в Румынию 1959 г.: археологические памятники, виды городов (Бухарест, Клуж, Слатина) и сельской местности (отп. – 55).

Альбом О.2830. Материалы научной командировки в Китай 1960 г.: виды местонахождений синантропа и виды г. Пекина (отп. – 32); материалы научной командировки в Индию 1966–1967 гг.: виды археологических памятников и местности (отп. – 60).

Альбомы О.1709, О.2831–О.2832. Материалы научной командировки во Вьетнам 1960–1961, 1963 и 1976 г.: виды палеолитических стоянок; зарисовки древностей палеолитических и неолитических мастерских; раскопки могильника эпохи бронзы; виды сел, городов и этнография (отп. – 287).

Альбом О.2829. Материалы научной командировки во Францию

1964 г.: виды археологических памятников; сельской местности и городов (отп. — 56).

Все материалы, связанные с именем Павла Иосифовича Борисковского (катушек — 88, негативов — 942, отпечатков — 1630), каталогизированы и доступны для исследователей.

С.Н.Лисицын
(ИИМК РАН, С-Петербург)

О культурной преемственности памятников рубежа плейстоцена и голоцена в Верхнем Поднепровье

При рассмотрении памятников переходного между палеолитом и мезолитом периода финального палеолита возникает множество вопросов об их происхождении и культурной преемственности по отношению к обеим эпохам, как предшествующей, так и последующей. При этом под верхнепалеолитическими комплексами понимаются памятники, относящиеся по геоморфологическому положению и абсолютным датам к концу плейстоцена. Финальнопалеолитическими могут считаться памятники порубежного с ранним голоценом времени («древний голоцен» по М.И.Нейштадту [1957]), в кремневом инвентаре которых серийно представлены черешковые наконечники, но еще отсутствуют мезолитические типологические атрибуты (вкладыши, микролиты и/или признаки отжимного расщепления). Выращивание мезолитических культур на основе финальнопалеолитических фиксируется в Верхневолжье, Восточной Прибалтике и Верхнем Поднепровье. Наиболее значительную проблему составляет культурно-хронологическая увязка памятников верхнепалеолитической традиции и финальнопалеолитических комплексов с черешковыми наконечниками. Для днепровского бассейна, где имеется вся колонка развития каменного века, этот вопрос более актуален, чем для территорий, освобожденных от ледника лишь в начале голоцена.

Периодизация и культурная атрибуция финальнопалеолитических памятников основана на различиях в технологии расщепления кремня и типологии орудийного набора. В Верхнем Поднепровье выделяются группы памятников, относящихся к двум разным технокомплексам: бромме и свидер. Комплексы традиции бромме, как более ранние, представляют наибольший интерес, т.к. население, оставившее эти памятники, освоило отдельные регионы Русской Равнины, которые ранее были заняты верхнепалеолитическими охотниками с «мамонтовым хозяйством», а также покрытые прежде ледником. Непрочные

хронологические позиции местных памятников бромме и широкая хронология ряда поздневалдайских стоянок верхнего палеолита позволяет разным исследователям достаточно легко находить прототипы мезолитических комплексов в верхнем палеолите.

Наиболее последовательно позиции автохтонизма в вопросе происхождения финальнопалеолитических памятников Верхнего Поднепровья из верхнего палеолита отстаивает В.Ф.Копытин. По мнению исследователя, ранние памятники гренской культуры продолжают развитие традиции Мезина, а также Добраничевки и Межирича [Копытин 1977; 1991; 1999]. Так, в кремневом инвентаре стоянки Боровка В.Ф.Копытин отмечает характерное для Мезина преобладание ретушных резцов, присутствие выемчатых форм, срединных и угловых проколов «мезинского типа», комбинированных скребков-резцов. Отсутствие пластины с притупленным краем, господство отщепов в качестве заготовок, серия черешковых наконечников, а также иное процентное соотношение скребков и резцов в Боровке, не находящих соответствия в мезинской индустрии, при этом объясняется не культурными, а хронологическими различиями. Финальнопалеолитический комплекс Аносово I с инвентарем типа бромме у истоков Днепра, по мнению В.Ф.Копытина, относится к этой же культурной традиции [Копытин 1991: 14-18; 1999: 258-259]. Следует отметить, что предполагаемая культурная цепочка Мезин-Аносово-Боровка не имеет четкой хронологической последовательности. Независимые данные для датировки Боровки из-за условий сохранности слоя отсутствуют: стоянка расположена на второй террасе Днепра, культурный слой залегает в песке непосредственно под дерном. Абсолютная датировка, включающая три радиоуглеродных определения, самой Мезинской стоянки также достаточно проблематична [Синицын и др. 1997]. Стратиграфическое положение памятника, приуроченного к балочной террасе, сложно коррелирующей с террасовой системой Десны, позволяет считать, что возраст Мезина не древнее 20 тыс. л.н. [Величко и др. 1999: 37]. Верхний временной предел существования поселения определяется залеганием в позднеледниковых отложениях, перекрытых делювиальной толщей позднеплейстоценового возраста. Таким образом, дата 15 тыс. л.н. является наиболее приемлемой для датировки Мезинской стоянки.

Стоянка Коромка и стоянка Хвойная, по свидетельству белорусского исследователя, продолжают линию межиричско-добраничевской верхнепалеолитической культуры, выделенной М.И.Гладких [1973]. Сходство с Добраничевкой и Межиричем отмечаются в технике расщепления (господство двухплощадочных плоскостных нуклеусов и мелких заготовок) и орудийном наборе: преобладание ретушных резцов, присутствие укороченных, двойных и округлых скребков, косоретушных острий, выемчатых

изделий и наконечников. Геоморфологическое положение Коромки и Хвойной сходно с Боровкой; независимые основания для датировки отсутствуют. Верхнепалеолитические стоянки на Киевщине имеют более надежные хронологические позиции. Добраничевка имеет одну радиоуглеродную дату, относящую ее к поздним верхнепалеолитическим поселениям [Шовкопляс 1972; Шовкопляс и др. 1981; Гладких 1973, 1977], чему не противоречат и условия залегания культурного слоя в лессе, на склоне высокой террасе р. Рось [Величко и др. 1999: 37-39], являющейся конусом выноса древней балки. Время накопления культурного слоя, залегающего в лессовых супесях, определяется серией из 14 радиоуглеродных дат, имеющих разброс от 11,7 до 19,2 тыс. л.н., среди которых компактные группы концентрируются в пределах 13,2-14,7 и 17,7-19,2 тыс. л.н. [Синицын и др. 1997: 37]. Таким образом, временной разрыв между среднеднепровскими верхнепалеолитическими памятниками, наиболее поздние из которых (Гонцы, Добраничевка) датируются не позднее 14/13 тыс. л.н., и гренскими памятниками, которые, судя по стратиграфическому положению, вряд ли древнее конца позднего дриаса – пребореала 10/9 тыс. л.н., представляется на сегодняшний день слишком большим, чтобы говорить о «непрерывном культурном развитии».

В целом следует отметить, что раннемезолитические гренские стоянки Верхнего Поднепровья, такие как Коромка, Боровка, Хвойная и Берестенево, Вышегора I, типологически наиболее близки не к верхнепалеолитическим, а к финальнопалеолитическим памятникам технокомплекса бромме. Последние на территории Беларуси представлены комплексами типа стоянки Красносельский 5 в Понемань, Вильнюс I и Маскаука 6 в Литве, Аносово I и IV в Верхнем Поднепровье, а также Подол III на Валдае. В хронологическом отношении они непосредственно предшествуют появлению гренских памятников, а по орудийному набору включают основные типологические характеристики гренского инвентаря. Происхождение финальнопалеолитического населения с технокомплексом бромме, как представляется [Синицын и др. 1997; Лисицын 2000], не связано непосредственно с памятниками местной верхнепалеолитической традиции и восходит к областям, лежащим далеко к западу от днепровского бассейна.

Макро-орудия как показатель этапов первоначального расселения гоминид из Африки в Западную Азию

1. Расселяясь за пределы африканского континента-донора, гоминиды в первую очередь проникли в наиболее близкую к нему пространственно и экологически Западную Азию. Выбросы населения из Африки были, по всей видимости, многократными, имевшими различную проникающую силу и разделенными большими или меньшими хронологическими интервалами. Первые редкие инвазии фиксируются разрозненными доашельскими галечными индустриями Южной Аравии (Аль-Гуза) и Кавказа (Дманиси).

Миграции более позднего, ашельского времени были более масштабными и многочисленными. Их документируют генетически связанные с Африкой индустрии, характеризующиеся набором таких макро-орудий как пики, ручные рубила, кливеры, чопперы, полиэдры и др. Наиболее яркими примерами индустрий африканского происхождения считаются левантийские ашельские комплексы так называемой убейдинской традиции (Убейдия, Эврон, Джуб-Джаннин II, Латамна и др.). Все они приурочены к левантийскому сегменту Великого африканского рифта.

2. Индустрии убейдинской традиции развивались в течение по меньшей мере полутора миллионов лет – от конца раннего ашеля (Убейдия, 1,4-1,0 млн лет) до конца среднего ашеля (Латамна, около 0,7 млн лет). Типологически они выделяются по стабильному сочетанию таких компонентов как ручные рубила, пиковидные формы (триэдры, квадриэдры), чопперы, полиэдры, сфероиды, кливеры, крупные нуклевидные скребки. Все исследователи, непосредственно сопоставлявшие ашельские комплексы Олдувая и Убейдии (М.Лики, Дж.Д.Кларк, Г.Айзек, М.Штекелис, О.Бар-Иосиф, Н.Горен-Инбар), указывают на поразительное сходство между этой древнейшей левантийской индустрией и ашелем из Urper Bed II Олдувая. В то же время, на наш взгляд, однозначный вывод об их непосредственной генетической связи спорен, поскольку при общей типологической близости названные индустрии весьма различаются технологически. В обоих случаях для изготовления бифасов применяли преимущественно лавовое сырье (базальт и др.), но если в ашеле Олдувая оно использовалось в виде отщепов (П.Кэллоу, П.Джонс), то в Убейдии заготовками служили базальтовые обломки и гальки.

Следует отметить также, что макро-орудия убейдинской традиции варьируют во времени как качественно, так и количественно. Так, например, одно- и двуконечные триэдры и квадриэдры из самой Убейдии отличаются исключительной

массивностью, иррегулярностью форм и грубостью их обработки. Триэдры и квадриэдры в более поздней индустрии Джуб-Джаннина II по-прежнему многочисленны, но наиболее архаичные двуконечные и высокие формы здесь исчезают. В еще более позднем комплексе Латамны триэдры и квадриэдры единичны, – как и в ряде других среднеашельских памятников Сирии. В начале верхнего ашеля эти формы уже не встречаются.

Заметная эволюция прослеживается и в типологии ручных рубил. Так, массивные и грубо оббитые рубила Убейдии отличаются от удлинённых и тщательно отделанных рубил Латамны, некоторые из которых имеют характерные дистальные концы в виде «лопаточки» (*chisel-like bifaces* или ультраконвергентные кливеры, по Дж.Д.Кларку). Как и триэдры, эти формы до сих пор не встречены к северу от левантийского рифта и долины среднего Евфрата. Хронологически они также связаны со средним ашелем. К концу этого же периода и даже как будто несколько ранее перестают бытовать в индустриях Леванта и полиэдры, и сфероиды. Таким образом, убейдинская традиция не прослеживается позднее конца среднего ашеля и не распространяется на территории Анатолии (севернее Газиантепа) и Кавказа.

3. Отдельную, но более позднюю (около 780 тыс. лет назад) волну проникновения африканских ашельцев в Левант документирует стоянка Гешер Бенот Яков. Она совершенно уникальна для этого района: ручные рубила и кливеры встречены здесь в одинаковой пропорции и изготовлены не на гальках или желваках, как в Убейдии, а на крупноразмерных базальтовых отщепках, полученных с помощью техник Комбева и прото-Леваллуа. Соотношение рубил и кливеров аналогично таковому в африканских стоянках Олоргегайле, Исимила, Тернифин, а технология их производства, как отмечает Н.Горен-Инбар, находит аналогии во многих ашельских комплексах Магриба и субсахарской Африки, начиная с раннего ашеля Олдувая (EF-NR site).

4. Помимо индустрий убейдинской традиции и стоянки Гешер Бенот Яков в Леванте уже со среднего ашеля развиваются многочисленные ашельские индустрии другого характера. В приморской полосе и на Евфрате в них доминируют бифасы миндалевидные, сердцевидные и овальные. Колебания в процентных соотношениях этих типов и иные технико-морфологические различия позволили Д.Гиладу подразделить данные индустрии на несколько групп, или вариантов. Выделяются также немногочисленные индустрии с заметной ролью копьевидных форм (Умм-Катафа Е, Холон, Кфар-Менахем).

5. Имеющиеся скудные находки бифасов в Анатолии и намного более богатые бифасами ашельские комплексы Кавказа позволяют предполагать, что их происхождение связано с продвижением на

север именно этих средне- и верхнеашельских кремневых индустрий Леванта. Проникновение их на Кавказ, судя по вариабельности ашеля в различных его регионах, совершалось, очевидно, неоднократно и, по всей видимости, носителями различных традиций. На это, в частности, может указывать архаичная техника расщепления, наличие чопперов и относительное преобладание удлиненных копьевидных форм бифасов в пещерных ашельских стоянках (Азых, Кударо I и III, Цона), с одной стороны, а с другой – рубила преимущественно сердцевидных, овальных и субтреугольных очертаний, сопровождаемые леваллуазским расщеплением в мастерских Армянского нагорья (Джрабер и др.). Прослеживание левантийских истоков кавказских индустрий осложняется тем обстоятельством, что на южных рубежах Кавказа пришельцы с юга столкнулись с необходимостью осваивать совершенно отличное от кремня лавовое сырье и, прежде всего, совершенно неизвестный им до того обсидиан. С процессом его освоения могла быть в определенной степени связана некоторая автохтонная составляющая развития кавказского ашеля: распространение частичных бифасов, широкое использование отщеповых заготовок, появление бифасов с «плечиками», бифасов подпрямоугольных очертаний и т.д. В конце ашеля на основе, возможно, последних начали изготавливать узкие и сильно удлиненные бифасиальные наконечники (Джрабер, Кендарасы), в которых допустимо видеть прообраз позднейших близких по форме мустьерских наконечников (Цона, Ахштырь, Лысая гора и др.).

6. Для иллюстрации различных этапов расселения гоминид по маршруту Африка-Левант-Кавказ небезынтересно привлечь данные о связанных с этим процессом изменениях габаритов такой основной группы макро-орудий как бифасы. Д.Гилад, а вслед за ним и многие другие исследователи подметили довольно четкую тенденцию уменьшения длины бифасов и их массивности от более ранних памятников, начиная с Олдувая, к более поздним – вплоть до верхнеашельских индустрий Леванта. Такая корреляция кажется вполне естественной, поскольку габариты бифасов обычно увязываются со степенью развития техники их обработки, а индекс массивности даже называют порой *refinement index* (Д.Рой). Однако феномен среднеашельских бифасов Гешер Бенот Яакова, которые по средней длине хорошо укладываются в диапазон, характерный для ранне- и среднеашельских индустрий (13,5-16,7 см), а по индексу массивности близки группе позднеашельских индустрий Леванта, заставил обратить внимание на фактор сырья и форму заготовок. Оказалось, что более древние бифасы на базальтовых отщепках являются менее массивными, нежели позднейшие кремневые.

Показатели средней длины бифасов кавказских индустрий имеют значения, характерные для верхнеашельских памятников

Леванта, что не противоречит возрастным оценкам. Однако бифасы Кавказа значительно уступают последним по массивности. Очевидно, что в данном случае на хронологический фактор вновь накладывается фактор сырья. Переход от использования кремневых желваков к расщеплению лавовых пород (Армения), а также сланцев и песчаников (Кударо) не мог не отразиться на технологии и формах бифасов. Наименьшую для Кавказа среднюю массивность демонстрируют обсидиановые бифасы разданских местонахождений Армении (Джрабер и др.), где развитая техника их обработки сочетается с широким применением отщеповых заготовок. В Сатани-даре обсидиановые бифасы более массивны, причем они массивнее в среднем и лавовых бифасов из этого же памятника, что может отражать более частое использование обсидиана в виде обломков, а не сколов. Допустимо, однако, видеть здесь и хронологический аспект, поскольку в данном комплексе имеется несколько архаичных по своей морфологии рубил. Наиболее же вероятным представляется фактор более древнего возраста при интерпретации характеристик базальтовых бифасов Лаше-Балты, которые заметно крупнее и массивнее сделанных из сходного сырья сатанидарских. Следовательно, как кажется, индекс массивности можно привлекать для выяснения относительной хронологии бифасов только при сравнении изделий из сходного сырья и при сходной форме заготовок. Об этом же говорит анализ показателей массивности и для многих других памятников. Например, сделанные преимущественно из базальтовых обломков или галек бифасы Убейдии превосходят по массивности олдувайские, которые оформлялись в основном на сколах из лавового сырья или же на плитчатых кусках кварцита.

А.Е.Мятохин
(ИИМК РАН, С-Петербург)

Мустьерские индустрии памятников долины Северского Донца

Долина Северского Донца – средоточие памятников разных эпох палеолита – домустье, мустье и позднего палеолита. Мустьерская группа памятников представлена индустриями, позволяющими решать вопросы их функционального типа, производственного профиля, культурного статуса, а также времени зарождения некоторых прогрессивных тенденций, например, пластинчатой техники, генезиса позднего палеолита и др.

В функциональном отношении памятники долины Северского Донца разделяются на мастерские и мастерские-стоянки. Типичные

стоянки, тем более долговременные, отсутствуют. К памятникам первого типа относятся Деркул, Чугинка, расположенные на территории Луганской области Украины, а также исследованные автором Калитвенские мастерские в Каменском районе Ростовской области.

Касаая производственного профиля памятников данной группы можно выделить, во-первых, мастерские по первичной обработке кварцита – получения заготовок для орудий и нуклеусов. Это Деркул, Чугинка, Калитвенка 1, 1б, 1в, 2 и 10. Во вторых, это мастерские по изготовлению орудий, конкретно – листовидных острий (Калитвенка 1 и 1а). Важно отметить, что в инвентаре Калитвенских памятников отмечены не только радиальный, параллельный и плоскостной, но также параллельный объемный способы расщепления. Так, в индустрии Калитвенки 1в выделено большое число объемных, в том числе клиновидных нуклеусов, и выразительных пластин. Наряду со скреблами и остроконечниками, присутствуют типичные концевые скребки. Индустрии Калитвенки 1 (верхний слой) и Калитвенки 1а, содержат как законченные, так и преимущественно незаконченные листовидные острия, а также радиальные нуклеусы. Эти материалы дают ценную информацию по технологии изготовления листовидных острий.

Весьма интересны индустрии памятников, расположенных у хутора Кременского Константиновского района Ростовской области. В ходе раскопок на памятнике Бирючья Балка 2 выделено пять мустьерских слоев, содержащих редкие очажные пятна, кости животных и многочисленные кремневые изделия – малочисленные орудия, нуклеусы, отщепы и осколки. Среди орудий преобладают скребла. Обнаружены единичные, но выразительные скребки позднепалеолитического облика. Присутствуют двусторонне обработанные орудия зауженных пропорций. Индустрии позднепалеолитических слоев памятника содержат крупные серии треугольных острий. Отличительной особенностью мустьерских индустрий, особенно слоев 5, 5б и 5в, является наличие, наряду с радиальными и плоскими нуклеусами, объемных нуклеусов и пластин с геометрически правильной огранкой. Пластинчатое расщепление в данных индустриях является характерной и закономерной чертой. С функциональной точки зрения речь идет о мастерских-стоянках, связываемых с ранней порой последнего оледенения.

Ставя вопрос о культурных аналогах индустрий памятников долины Северского Донца, следует обратиться к таким памятникам как Шлях в Волгоградской области, Непряхино в Саратовской области, Белокузьминовка и Звановка в Донбассе. В этих индустриях, кроме прочих нуклеусов, присутствует немало объемных нуклеусов, в том числе клиновидных и пластин с регулярной огранкой. Данные памятники являются мастерскими по первичной обработке камня. Стоит обратить внимания на

некоторые памятники Крыма, относящиеся к группе западно-крымского мутье: горизонты 2 и 2а Кабази 2 и верхний горизонт Шайтан-Кобы. Типологическим аналогом, например, Калитвенки 1а являются индустрии Антоновки 1 и 2 в Донбассе, для которых характерны двусторонние наконечники.

Материалы мутьерских памятников южной части Русской равнины и Крыма, в том числе, долины Северского Донца указывают на систематическое использование, наряду с радиальным и параллельным плоскостным способами, более прогрессивной техники – объемного расщепления с целью получения пластинчатых заготовок. Итак, оправданно ставить вопрос о том, что существенные сдвиги в технике и технологии обработке камня на данной территории происходили в течение мутьерского времени и имели местные корни. Последнее позволяет обсуждать также генезис индустрий позднего палеолита на местной основе. Приняв такое допущение, появление ориньякских индустрий не будет казаться неожиданным и загадочным на данной территории.

*Л.Г.Мацкевой
(ИА НАН Украины, Львов)*

Вклад П.И.Борисковского в изучение каменного века Запада Украины

Значительную часть своей творческой деятельности ученый посвятил палеолиту Украины. Еще в предвоенное время вышла его монография по местной проблематике [Людина кам'яного віку на Україні. Київ, 1940]. Уже в этой работе П.И.Борисковский показал себя глубоким знатоком материалов, особенно западных областей Украины. Он высоко оценил работы украинского палеолитоведа Ю.Полянского, отмечая его вклад в комплексное изучение эпохи, в частности, природной (экологической) среды, которая окружала в это время человека. П.И.Борисковский читал в оригинале украинских, польских, словацких, французских, английских, молдавских исследователей. Отдав более 50 лет своей творческой жизни Академии наук, он, кроме того, на протяжении многих лет читал лекции в Киевском, Ленинградском, Ханойском университетах, других учебных заведениях.

Павел Иосифович Борисковский был учеником академика АН Украины Петра Петровича Ефименко, для школы которого характерен комплексный подход к изучению прошлого. Поэтому и не удивительно, что П.И.Борисковский обратил внимание, как археолог, на богатые фаунистические и растительные остатки,

зафиксированные в озокеритовой шахте близ с.Старуна (ныне – Ивано-Франковская область). По его мнению, сам факт такой находки открыл широкие перспективы перед исследователями в поисках остатков материальной культуры в нефтегазоносных прикарпатских районах. Позже была определена и абсолютная дата в 23255 ± 755 для второго носорога, который был выявлен в Старуне в 1929 г. в 15 м от шахты «мамонт», на глубине 12,5 м от поверхности и ныне экспонируется в Природоведческом музее Польской академии наук в Кракове. К сожалению, такие казалось бы блестящие возможности еще и ныне не реализованы, если не считать фиксацию непосредственно возле захоронений в озокерите фауны и растительности в Старуне уже более 10 памятников от палеолита (40-30 тыс. лет ВР) до раннего средневековья включительно. Однако, на этих археологических объектах артефакты найдены не в озокеритовом болоте, а на возвышенных точках рельефа на глубине около 1 м при раскопках мезолитического поселения, либо на поверхности. Естественно, рассчитывать на хорошую сохранность органических остатков, которая наблюдалась в болоте, на выявленных памятниках пока не приходится.

В итоговой статье по палеолиту Украины, опубликованной в журнале «Археологія» за 1947 г., П.И.Борисковским были отмечены и значительные перспективы изучения пещер, особенно в Поднестровье. В то время палеолит в пещерах Украины еще не был известен, но со временем и этот его прогноз подтвердился. Сначала в Закарпатье в пещере Молочный Камень зафиксирован охотничий лагерь эпохи позднего палеолита, а вскоре и непосредственно в Приднестровье были открыты поселения раннего и позднего палеолита в пещерах Прийма I, Львов VII, Назаренково (Чортовец) и Одаев XI на территории Львовской и Ивано-Франковской областей. При этом, охотничий лагерь в гроте Прийма I оказался древнейшим поселением человека в пещерах материковой Украины, исключая Крым.

Непосредственные полевые исследования на западе Украины П.И.Борисковский проводил в 1946-1950 гг. Часто в своей фронтовой шинели он бывал и во Львове в сопровождении неразлучных друзей – С.Н.Бибикова и Ю.Н.Захарука. Им были тщательно изучены археологические фонды, библиотеки и архивы региона. Наиболее успешные полевые исследования проведены П.И.Борисковским в Черновицкой и Хмельницкой областях. Результативными оказались работы по изучению палеолита и мезолита у сел Нагоряны и Студеница, а особенно – в Луке-Врублевцевой, где было открыто одно из древнейших на то время поселений Восточной Европы, отнесенное к раннепалеолитическому времени. По результатам этих работ П.И.Борисковскому опубликовано ряд статей, большинство из которых не утратили своего научного значения и теперь.

В 1952 г. П.И.Борисковский защищает докторскую диссертацию «Палеолит Украины», а вскоре вышла и его фундаментальная монография по этой проблематике. В книге были обобщены огромные материалы из разнообразных хранилищ, труды на многих языках. Как сообщает Н.Д.Праслов, в своем отзыве на работу, всегда сдержанный в оценках трудов коллег, С.Н.Замятнин писал «...появление работы П.И.Борисковского, на мой взгляд, знаменует начало нового этапа в развитии советской четвертичной археологии... Имя автора, стоящее на первой странице работы, дает гарантию ее качества». Действительно, абсолютно все труды П.И.Борисковского отличаются исключительной точностью и корректностью. Очевидно, то же самое можно сказать и об одной из последних больших работ ученого, которая вышла двумя изданиями [Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979]. Видное место в этих и других его трудах занимают ссылки на материалы и работы многих исследователей именно запада Украины. П.И.Борисковский был выше личных симпатий и антипатий, он умел обходить редакторские, политические и национальные препятствия. В его трудах мы находим ссылки о вкладе в науку украинцев Ю.Полянского и А.П.Черныша, поляков Л.Козловского и С.Круковского, румын И.Ботеза и Н.Морошану, русских С.Н.Бибикова и С.Н.Замятнина, многих других специалистов. Таким интеллигентным, доброжелательным, принципиальным, точным и корректным П.И.Борисковский и остался в памяти учеников, коллег, последователей, знатоков древнейшего прошлого человечества.

П.Е.Нехорошев, Л.Б.Вишняцкий
(ИИМК РАН, С-Петербург)

О возрасте культурных слоев палеолитической стоянки Шлях

1. В результате комплексных исследований, проводимых в последние годы в Шляхе, были получены радиометрические, палинологические и палеомагнитные данные, которые позволяют решить в предварительном плане вопрос о возрасте культурных слоев этого памятника и соотнести периоды их формирования с основными палеогеографическими событиями среднего валдая. Ниже обобщается имеющаяся информация и предлагается один из возможных вариантов ее интерпретации, представляющийся нам наиболее реалистичным.

Рабочая схема корреляции слоев Шляха с основными палеогеографическими и палеомагнитными событиями:
 {(+) - межстадиальные условия, (-) - стадийные, (=) - переходные}

В Р Е М я Тыс	Климатические стадии среднего вальда (по Чеботарева, Матрагачева 1982, Заррина 1991; Спиридонова 1991; Арсланов 1992; Болжолская 1995; с модификациями)	Зап. и Центр. Европа	ПМ шкала	Ш Л Я Х				
				С Л О И	Пальцовые зоны	ПМ Экскурсы	Культурные слои и C14 даты	
20	-	А Р С И	ж с к у р с М О Н О		10(-)	Экскурс	Верхний палеолит	
25	+			4а	9(=)			7(+)
				4b	8(=)			
				4с				
30					5			6(-)
35	-	Х Е Н Г Е Л О		6	5(+)	Экскурс	Средний палеолит *45700±3100 *46300±3000	
40	+			7	4(=)			3(+)
45	-	М О Е Р С Х У Ф Д	Экскурс Каргополово	8с	2(-)			
45	+			8d		1(+)		
				8e				
	красногорский (байловский) интерстадиал			9a		Экскурс	Средний палеолит	
				9с				

2. Малочисленный верхнепалеолитический материал, полученный из низов горизонта 4с в раскопе 2, должен датироваться временем около (но не менее) 30 тыс. л.н. Об этом говорит, во-первых, то, что он залегает много ниже уровня верхнего палеомагнитного экскурса, сопоставляемого с *моно* (25-30 тыс. л.н.), а во-вторых, довольно холодные (стадийные), судя по пыльце, условия формирования подошвы слоя 4. Поскольку верхневалдайский возраст исключен, можно предполагать, что находки относятся ко времени, предшествующему байловскому (днестровскому, браунскому) потеплению.

3. Наиболее важен вопрос о возрасте слоя 8, откуда происходит основная коллекция каменных изделий (более 4000), а также

немногочисленные фаунистические остатки (бизон). Индустрия характеризуется сочетанием пластинчатой технологии со среднепалеолитической техникой скола и мустьерским набором орудий (скребки, остроконечники, ножи с обушком, атипичные скребки, «протокостенковские ножи»). Две AMS даты полученные в Оксфорде по кости из культурного слоя согласно указывают на возраст порядка 46000 ± 3000 л.н. Однако, то обстоятельство, что в нижележащих горизонтах 9а и 9с фиксируется второй (для разреза Шляха) палеомагнитный экскурс, сопоставляемый с *каргополово* (42-45 тыс. л.н.), заставляет либо допустить, что кость, послужившая для датирования, уже во время формирования слоя 8 была «ископаемой», либо же рассматривать в качестве более достоверного нижний предел обеих абсолютных дат (т.е. 40-43 тыс. л.н.). Впрочем, и возраст экскурса каргополово, видимо, нуждается еще в уточнении. В любом случае есть все основания считать, что слой 8 Шляха относится к самому концу среднепалеолитического времени. Пожалуй, ни о каком другом памятнике на Русской равнине этого нельзя утверждать с такой же степенью уверенности.

4. Небольшие пока еще коллекции каменных изделий получены из слоев 7 и 9. Археологический возраст материала в первом случае неопределим, а во втором это средний палеолит (мустье), представленный рядом классических форм нуклеусов и орудий. Слой 7 (погребенная почва, формировавшаяся в межстадиальных условиях) наиболее естественно сопоставлять с первой половиной кашинского (молодовского) потепления, а на возраст находок из слоя 9 (русловой аллювий) указывает их залегание в тех горизонтах (9а-9с), для которых зафиксирован экскурс, сопоставляемый с каргополово.

Н.Д.Праслов
(ИИМК РАН, С-Петербург)

Использование различных костей мамонта в верхнем палеолите Русской равнины

В научной и научно-популярной литературе по палеолиту обычно подчеркивают большое значение мамонтов для обеспечения первобытного человека мясом и шкурами. В связи с открытием палеолитических жилищ начали обращать внимание и на употребление различных костей.

Личный опыт раскопок богатыми костями мамонтов верхнего культурного слоя Костенок 1 и анализ материалов из стоянок в бассейне Дона и Верхнего Поднепровья позволяют в настоящее время систематизировать все известные факты и с уверенностью

говорить о том, что практически все кости скелета мамонта использовались в качестве сырья для различных целей с учетом их морфологических особенностей.

Скелет мамонта, как и большинства млекопитающих, имеет более 200 различных костей. Схематично его можно расчленить на следующие части: 1 – скелет головы – череп; 2 – скелет туловища – позвоночник, ребра, грудина; 3 – скелет плечевого пояса и передних конечностей; 4 – скелет тазового пояса и задних конечностей. В соответствии с этой схемой и рассмотрим известные нам факты употребления костей мамонтов, не претендуя на полноту картины.

1. Скелет головы.

Наибольший интерес у первобытных охотников вызывали бивни. Состоящие главным образом из дентина, они очень прочны и эластичны, имеют значительную длину и толщину, сравнительно легко обрабатываются. Максимальная длина бивней, найденных нами на стоянке Костенки 1 – 3 м 60 см при толщине в проксимальной части 28 см.

Первобытные охотники хорошо знали основные особенности бивней и при обработке их использовали разные способы размягчения и выпрямления. Целые бивни, часто рассортированные по размерам, употреблялись для строительства каркаса кровли землянок на Костенках 1 и в Авдеево. Их дугообразная форма позволяла создавать куполообразную конструкцию кровли землянок, увеличивая высоту и воздушное пространство. В Костенках 1 нами зафиксированы случаи совершенно симметричного продольного расчленения бивней на две равные половины, которые также использовались для построения каркаса кровли над землянкой.

Из бивней изготавливались различные предметы бытового характера, среди которых имеются крупные мотыгообразные орудия, кинжалы, острия, зачастую украшенные орнаментом, диадемы и различные украшения в виде маленьких нашивок, а также настоящие ложечки, найденные в Авдеево.

Из бивня изготавливали наконечники копий и стрел (например, в Юдиново). В стоянке Сунгирь, имеющей возраст около 28 тыс. лет, в детском двойном погребении найдены копыа длиной 2 м 42 см и 1 м 66 см, совершенно прямые, а рядом с ними – 11 дротиков и 3 кинжала длиной более 40 см. Двуконечное острие (возможно, дротик) из бивня длиной 1 м 10 см найдено на полу одной из землянок в Костенках 1.

Бивни зачастую вынимались из черепов и использовались отдельно. Однако известно достаточно большое количество фактов, когда бивни сохранялись в черепах и использовались вместе с ними на стоянках в Костенках, в Межиричах, в Мезине, в Добраничевке. Прекрасный пример описан И.Г.Пидопличко в Межиричах. На выкладку основания первого межиричского жилища было

использовано 25 черепов, из них 23 были установлены по кругу альвеолами вниз и только 2 черепа, в которых было по одному бивню, стояли на затылочных костях. Мне кажется обоснованным предположение И.Г.Пидопличко [1976: 93-102], что эти два черепа оформляли вход в жилище.

При построении мезинского жилища использовался другой способ. Из 14 черепов 11 были уложены на землю затылочными костями, альвеолами вверх. Бивни из них были изъяты, а на их место, скорее всего, вставлялись деревянные жерди, образывавшие каркас кровли жилища.

Использование черепов мамонтов в качестве строительного материала установлено на многих верхнепалеолитических стоянках в центре Русской равнины. Однако в последние годы нам удалось установить в верхнем культурном слое Костенок 1, что они использовались и как емкости для хранения вещей. Так, в одном случае, в левой альвеоле вертикально врытого в землю черепа мамонта, располагавшегося черепной крышкой вверх, найдено скопление отборных кремневых и кварцитовых пластин. В другом черепе взрослого мамонта, лежавшего на краю глубокой ямки с красной краской, также в левой альвеоле найден костяной кинжал длиной 35 см и рядом с ним плоская кремневая галька – отбойник или ретушер. Следует отметить два фрагмента толстых черепных крышек, которые были обколоты по периметру, и служили, скорее всего, чашами для жидких или сыпучих материалов. В одной из них, найденной на полу землянки, сохранились остатки белой и красной красок.

Целых черепов мамонтов с сохранившимися нижними челюстями в палеолитических памятниках мне неизвестно. Как правило, нижние челюсти отчленялись и использовались самостоятельно. Особенно хорошо они представлены в обкладках оснований жилищ, образуя сложный рисунок, в верхнем слое Костенок 11 и в Межиричах. Вполне вероятно, что они использовались и для других целей, поскольку разрозненно встречаются на площади поселений. В Костенках 1 они отмечены по краям небольших ям, иногда без зубов, иногда с зубами.

На остатки зубов мамонтов археологи, как правило, обращали мало внимания. Они часто сохранялись не очень хорошо из-за своего строения. Однако нами в Костенках 1 установлено, что зубы тоже использовались в качестве сырья для изготовления некоторых вещей. Так, в 1983 г. в одной из ямочек найден маленький плоско-выпуклый диск диаметром 45-46 мм с отверстием диаметром 6 мм в центре. Он изготовлен из дентина, формирующего массивную прикорневую часть зуба. Толщина его 8 мм. Три подобных диска, изготовленные из зубов мамонтов, известны мне среди 11 дисков, найденных в Брно 2.

Дентин обычно вместе с пластинами эмали формирует корпус

зуба мамонта и по этим пластинам сравнительно легко раскалывается поперек. Несколько тонких плоских пластинок с легкой полировкой найдены в Костенках I. Тонкие трубчатые корни также легко отламываются. Иногда они имеют естественное заострение и с легкой подправкой могли использоваться как острия. В качестве примера можно привести 9 обломков корней зубов мамонта из Елисевиной, которые имеют следы дополнительной обработки [Поликарпович 1968: 87-88].

2. Скелет туловища.

Из скелета туловища мамонта наиболее широко использовались ребра. Их у мамонта 19 пар. Самые длинные из них – грудные, изогнутые, часто использовались наряду с бивнями в конструкции каркаса кровли землянок. Из расколотых вдоль пополам изготавливали ложила и костяные кинжалы (или лопаточки). В Костенках 21 найден крупный обломок шестого ребра мамонта с окрашенной красной краской головкой и со следами забитости. На поверхности ребра имеются 27 тонких черточек. Это ребро использовалось как ударник.

Части позвоночника блоками в анатомической связи, по 6-8 позвонков, входили в конструкцию оснований жилищ наряду с другими костями в Межиричах, Мезине, Костенках II, а также в Костенках I.

Хвостовые позвонки в анатомической связи впервые отмечены С.Н.Замятинным в Гагаринской стоянке [Замятин 1935: 73]. Нами они встречены в Костенках I в землянке. С.Н.Замятин и вслед за ним З.А.Абрамова [1960: 143] предполагают, что они могли быть деталью одежды или имели ритуальный характер.

3. Скелет плечевого пояса и передних конечностей.

Длинные трубчатые кости этой части скелета употреблялись для укрепления оснований жилищ на многих памятниках. Наиболее массивную плечевую кость иногда, как, например, в Костенках 19, разрубали поперек и вкапывали эпифизом в землю. Можно предположить, что в полость вставляли деревянную жердь, входившую в каркас кровли жилища. Таким образом, первобытные люди изолировали деревянную часть каркаса жилища от земли.

Плоские кости – лопатки – чаще всего использовались для перекрытия поверхности кровли. Таков контекст их находок. Они встречаются, как правило, на жилой площади, что дает основание предполагать их расположение на крыше. Примерно так же они использовались и в Костенках I, располагаясь поверх бивней в кровле землянок. В Костенках I имеется также много фактов, когда лопатками мамонтов закрывали сверху маленькие ямочки разного назначения. Так, ямочка с маленькой женской статуэткой из бивня мамонта, найденная в 1983 г., была сверху закрыта лопаткой мамонта, имеющей отверстие в расширенной плоской части. Лопатки с искусственно пробитыми отверстиями известны во многих верхнепалеолитических стоянках. Особенно их много в Юдиново

[Поликарпович 1968; Абрамова 1995]. В Костенках 1 найдены 2 лопатки взрослого мамонта, окрашенные красной краской, а в Мезинской стоянке – одна целая и один фрагмент лопатки с геометрическим орнаментом, нанесенным красной краской [Шовкопляс 1965: 244; Пидопличко 1969, рис. 31].

В Костенках 1 установлено, что лопатки использовались для переноса костных углей из очагов в землянки.

Кости кисти и стопы мамонта иногда встречаются в анатомической связи. Их назначение в быту человека остается неизвестным. Но мы знаем несколько фактов, когда метакarpальные и метатарзальные кости были слегка искусственно подправлены, и из них получились скульптурные антропоморфные изображения. Такие находки есть в Авдеево [Гвоздовер 1950: 27, рис. 13] и в Пшедмости.

4. Скелет тазового пояса и задних конечностей.

Из этой части скелета наиболее частыми находками являются бедренные кости или их фрагменты. Это наиболее длинные из трубчатых костей мамонта. У взрослых особей их длина зачастую превышает 1 м. Они использовались в строительных конструкциях в Межиричах, Мезине, Юдиново, Елисеевичах, Добраничевке, Костенках.

В Костенках 1 они, как правило, связаны с землянками. В нескольких землянках они располагались у входа, в двух землянках служили подпорками в виде столбов, поддерживающих кровлю.

Во многих случаях в проксимальной части бедренных костей имеются пробитые отверстия. Интересный факт зафиксирован И.Г.Пидопличко в первом межиричском жилище [Пидопличко 1969: 127-128]: в проксимальный конец бедра вставлен крупный обломок лучевой кости с несомненной целью удлинения.

Головки бедренных костей довольно часто встречаются отдельно. В одной из ям Костенок 1 было найдено скопление, состоящее из 33 экземпляров. Нам удалось установить, что они иногда использовались для изготовления ламп. Губчатая масса заливалась жиром, который плотная суставная поверхность не пропускала. Сама же губчатая ткань, слегка выступающая, играла роль фитиля. Подобные лампы найдены И.Г.Пидопличко в Межиричах [Пидопличко 1976: 190-191, рис. 75].

Большая и малая берцовые кости редко встречаются в анатомической связи. Обе они часто использовались в конструкции оснований жилищ. Большая берцовая кость имеет значительную толщину стенок и довольно прямые плоскости. Этот момент использован обитателями второго культурного слоя Костенок 14 и Костенок 15 для изготовления своеобразных крупных лопаточек, головка рукояти которых сохраняла естественную суставную поверхность проксимального конца.

Широкая площадь поверхности тазовых костей позволяла их

использовать для перекрытия кровли жилищ и землянок. Массивная центральная часть с вертлужной впадиной иногда вырубалась и использовалась самостоятельно, возможно, в качестве посуды. Из широкой плоской части в Костенках 12 вырезана широкая лопаточка с рукоятью, сплошь покрытая красной краской. Тазовые кости так же, как и лопатки, иногда имеют пробитые отверстия.

Заключение.

Итак, у нас есть основания считать, что в верхнем палеолите использовались все кости мамонта. Я не касаюсь вопроса об использовании костей в качестве топлива. Костный уголь является основной массой в очагах многих стоянок. Только один из серии очагов в Костенках 1 дал более 150 кг костных углей во фракции более 2 мм. Массу фракции менее 2 мм мы не могли подсчитать. Крупные фрагменты костного угля показывают, что все кости мамонта, да и не только мамонта, являлись сырьем для костров. Учет сожженные кости невозможно. Поэтому я пессимистично смотрю на возможность использования костей животных для разного рода палеоэкономических реконструкций.

Ю.Ю.Притула

(С-Петербургский Гос. Университет)

О стратиграфии Староселья

Стоянка в балке Канлы-дере (г. Бахчисарай) открыта в 1952 г. А.А.Формозовым, под его же руководством в 1952-56 гг. здесь проводились раскопки (работы 1955-56 гг. велись по открытому листу М.Д.Гвоздовер, которая и составляла отчеты за оба года). Общая площадь раскопок 253 кв.м. В 1953 г. на стоянке обнаружено погребение (?) ребенка, в 1954 – отдельные человеческие кости. По результатам работ А.А.Формозов опубликовал в 1958 г. детальную монографию. После этого автору раскопок был высказан ряд серьезных замечаний относительно методики раскопок, интерпретации стратиграфии, кремневой индустрии и возраста стоянки [Григорьев 1968: 125-126; Гладилін 1971: 25-26; Колосов 1972: 125-126; Колосов, Степанчук, Чабай 1993: 133-155; Маркс, Демиденко и др. 1994: 121-122; Marks, Demidenko et al. 1997: 114-117; Marks, Demidenko et al. 1998: 53-92]. В связи с этим с 1993 по 1998 гг. совместной американо-украинской экспедицией под руководством Э.Э.Маркса и В.П.Чабая были осуществлены новые раскопки стоянки. Раскоп и квадратная сетка были привязаны к раскопкам А.А.Формозова. Новые данные по стратиграфии и кремневой индустрии нашли отражение в серии публикаций [Маркс,

Демиденко и др. 1994: 121-122; Marks, Demidenko et al. 1997: 114-117; Marks, Demidenko et al. 1998: 53-92].

В период с 1952 по 1956 гг. на площади пещеры для выяснения стратиграфии были заложены три раскопа: I – в центральной части современного навеса, на перемычке между двумя нишами пещеры и на северном конце верхней по балке ниши (~ 70 кв.м.), II – в центре южной ниши (12 кв.м.), III – в юго-восточном конце пещеры под современным водостоком (8 кв.м.). В 1956 году раскопы I и II были соединены (общая площадь ~ 230 кв.м.), а раскоп III расширен к северу, западу и востоку (общая площадь ~ 23 кв.м.). Было отмечено два типа напластований в пещере [Формозов 1958: 25-34]:

1. Бурый или красноватый железисто окрашенный суглинок, включающий большое количество окатанных камней 8–20 см в поперечнике и линзы мелкого гравия с гальками диаметром 1–3 см. Слоистость суглинка, а также переслаивание линз гравия с пластинами более мелкого глинистого материала утвердили Формозова в мысли о водном, наносном характере отложений: происхождение этих слоев связано с действием селевых потоков, либо с временными подтоплениями пещеры в период паводков, дождей. Следствием чего стало размывание культурных остатков в пещере;

2. Слои неокатанных угловатых плит и плиток известняка, сцементированные белой разложившейся щебенкой (горизонта обвала).

Формозовым подчеркивалась монолитность 4-х метровой толщи отложений в пещере и невозможность ее расчленения на горизонты ни по литологии, ни по археологическому материалу. Разборка слоя производилась первоначально по 4 условным горизонтам, по 50 см каждый. К 1956 году от них осталось два, границей между которыми служил слой обвала.

Судя по отчетам М.Д.Гвоздовер, хранящимся в архиве в ИА МГУ, стратиграфия Староселья в ее интерпретации выглядела примерно такой же:

1955 год. Материал сгруппирован по 3 условным горизонтам, выделенным в процессе раскопок. Отмечено, что разделение на горизонты носило чисто условный характер, так как и в литологическом, и в археологическом плане они абсолютно однородны. Разбивка на горизонты была следующая: I горизонт – 0,5 метра, II горизонт – до 1 метра, III горизонт – вся остальная толща до скального дна пещеры.

1956 год. Выделены 2 условных горизонта, впрочем, как и в 1955 году, подчеркивается их условный характер, отсутствие связи, как с геологическим строением, так и с археологическим материалом. Скальное дно пещеры образует две ступени, таким образом, были определены следующие горизонты: I – до уровня пола первой ступени (~ доходит до слоя обвала), II – от обвального слоя до скального пола пещеры.

В каждом случае (1955, 1956 гг.), когда происходило выделение условных горизонтов, особо подчеркивался их условный характер, так как:

- а) отложения стратиграфически не отличались и;
- б) археологический материал совершенно однороден.

Стратиграфия пещерных отложений в отчетах М.Д.Гвоздовер описана достаточно общо, не так подробно, как у В.П.Чабая. Описаны следующие слои:

- 1) Дерновый слой. Мощность уменьшается к западу, что свидетельствует о размыве;
- 2) Красноватый суглинок, культурные остатки. Содержит окатанные камни (20x30см, 20x15см), линзы мелкого гравия, которые образовались в результате действия водного потока. На восточных квадратах I ступени – до 60 см, и, в конце концов, вообще выклинивается. II ступень – до 4-х метров. К западу его мощность уменьшается и появляется слоистость (еще один аргумент в пользу аллювиального происхождения);
- 3) Обвальный слой козырька карниза;
- 4) Такие же суглинки, как и в слое 2), содержащие культурные остатки.

Результаты новых раскопок пещеры 1993 г. не совпадают с информацией А.А.Формозова и М.Д.Гвоздовер. В двух продольных разрезах по северной стороне квадратов Е-22 – G-22, Н-24 – К-24. выделено 12 стратиграфических горизонтов и 4 культурных слоя [Marks, Demidenko et al. 1998: 74; Marks, Demidenko et al. 1997: 118-119; Маркс, Демиденко и др. 1994: 122-125]. Маркс и Чабай используют 2 основных критерия для выделения такого количества стратиграфических горизонтов: степень насыщенности обломочным материалом и качество этого материала, а также разницу в цвете слоев (в осн. оттенки красного). Также в качестве границ между стратиграфическими горизонтами они принимают плиты обвала козырька навеса. Даже после новых раскопок Староселья стратиграфическая ситуация остается не совсем понятной. Исследователи выделяют несколько горизонтов обвала, но как следует из приведенного ими рисунка, глыбы известняка не составляют единого горизонта, а достаточно равномерно распределены по всей толще пещерных отложений, кроме, пожалуй, верхнего горизонта обвала козырька. Кажется довольно сомнительной возможность определить на таком промежутке горизонт ли это обвала, либо просто десквамация, и тем более утверждать, что такой «горизонт» членит толщу отложений на несколько частей: где гарантия, что через 5 см этот «обвальный слой» не выкинется, а выше- и нижележащие слои не сольются? Для пещерной стратиграфии ситуация тривиальная. Данный вопрос возможно разрешить только с помощью раскопок большей части пещеры и многочисленных поперечных разрезов. Культурные слои литологически не выделяются, – по моему мнению, более или менее справедливо можно говорить о горизонтах залегания находок, что

было хорошо проиллюстрировано на схеме вертикального распределения артефактов. Четко выделяются два уровня залегания – первый и третий по номенклатуре исследователей. Что же касается второго и четвертого, то эти горизонты фактически прослежены только на квадратах I-K – 22. На квадратах E-G линии 20 и D-G линии 21 на этих уровнях находок вообще не обнаружено, на квадратах G-K линии 23 они представлены единичными артефактами. Следует отметить, что именно на квадратах I-K – 22 отсутствует горизонт обвала козырька, консервирующий культурные горизонты на остальной площади новых раскопок стоянки. Представляется вероятным, что культурные горизонты 2 и 4 являются лишь отражением вертикального перемещения артефактов под действием тех или иных факторов на участках, где отсутствовал горизонт обвала, и степень насыщенности отложенный обломочным материалом была ниже. Таким образом, если выделять только два горизонта залегания, то стратиграфическая картина будет близка к описанию А.А.Формозова и М.Д.Гвоздовер: первый культурный слой лежит прямо на плитах обвала, второй плитами обвала перекрывается.

И.В.Сапожников, Г.В.Сапожникова
(Отдел археологии С-3 Причерноморья, Одесса)

Полевые исследования П.И.Борисковского в Северо-Западном Причерноморье

Говоря о Павле Иосифовиче Борисковском накануне 90-летия со дня его рождения, следует подчеркнуть, что этот ученый оставил после себя богатейшее и разностороннее научное наследие. Это не только целый ряд фундаментальных монографий и статей по истории первобытного общества, но и многочисленные полевые исследования, которые он провел во многих регионах бывшего СССР и за его пределами. Особое место в научной биографии П.И.Борисковского, без всякого сомнения, занимает палеолит и мезолит Украины. Из исследований по этой тематике наибольшую известность получили материалы раскопок Пушкарей и Амвросиевки, а также поиски раннего палеолита на Среднем Днестра. Вместе с тем, результаты многих его изысканий в Северо-Западном Причерноморье (СЗП), имевшие место уже после выхода в свет монографии «Палеолит Украины» в 1953 г., известны не столь хорошо даже специалистам. Поэтому настоящий доклад и посвящен нами описанию этой страницы жизни и научной деятельности выдающегося ученого-палеолитоведа.

Заметим, что П.И.Борисковский впервые попал в СЗП еще в 1946

г., когда посетил раскопки пещеры Ильинка под Одессой, проводимые И.Г.Пидопличко. В 1954 г. он возглавил Тираспольский палеолитический отряд ЛО ИИМК. Тогда были найдены пункты находок палеолитических изделий Колктова Балка I-IV в районе выходов тираспольского гравия на Днестре, а также мезолитическая стоянка Гребеники в бассейне р.Кучурган. В 1959 г. отряд получил название Одесского палеолитического отряда (ОПО) ЛОИА АН СССР, который работал с перерывами до 1968 г. В течение ряда лет в качестве соучредителя отряда выступал Одесский археологический музей (Сапожников 1990).

В 1959 и 1961 г. ОПО проводил раскопки позднепалеолитической стоянки Большая Аккаржа, открытой в 1955 г. В.И.Красковским. В 1961 г. П.И.Борисковский вместе с Н.А.Кетрару обнаружили позднепалеолитические местонахождения Кучурган, Новокрасненское и Марково, Г.В.Григорьева – Краснополь, Приймovo и мезолитические пункты Балашево, Балашево I и Малые Хатки (Егоровка), а В.Н.Станко – Тростянец и Гиржево.

В 1962 г. ОПО перенес разведки в район пограничья степи и лесостепи Буго-Днестровского междуречья, где на р.Тростянец выявил позднепалеолитические местонахождения Курка-Рыпа и Понора, а на р.Ягорлык – мезолитические пункты Орловка, Довжанка и Розовка. Тогда же была обследована мезолитическая стоянка Познанка, открытая С.К.Рахубенко, и обнаружено местонахождение Степановка. В 1963 г. ОПО продолжил раскопки Гиржева, начатые в предыдущем году, провел шурфовку мустьерского местонахождения в Белгороде-Днестровском, а также открыл два пункта верхнепалеолитических находок у с.Карагаш на Днестре. В 1965 г. ОПО обследовал бассейн р.Южный Буг и на р.Чичиклее обнаружил мезолитические стоянки Слободка и Васильевка. В следующем году разведки проводились на правом берегу Днепра в бассейне р.Ингулец, где П.И.Борисковский и Г.В.Григорьева открыли стоянку Казанка.

В 1968 г. шурфовкой стоянки Каменка на р.Барабое, открытой ранее В.И.Красковским, ОПО продолжил исследования позднего палеолита Нижнего Приднестровья. Рядом с Каменкой Г.В.Григорьева обнаружила ряд местонахождений: Красногорка, Красногорка I-III и Щербанка. Тогда же П.И.Борисковский обследовал мезолитическое местонахождение Васильевка, открытое Н.М.Шмаглием.

Таким образом, всего сотрудники ОПО за восемь полевых сезонов с 1954 по 1968 гг. открыли в СЗП более 30 палеолитических и мезолитических памятников, провели раскопки таких известных поселений, как Б.Аккаржа, Каменка и Гиржево, собрали выразительные коллекции каменных изделий на Гребениках, Казанке и других местонахождениях.

Результаты этих работ имели большое научное значение и дали мощный импульс для дальнейшего изучения каменного века СЗП. Так, позднее Н.К.Анисюткину удалось найти стратифицированные раннепалеолитические памятники на Нижнем Днестре. Материалы раскопок Б.Аккаржи дали возможность П.И.Борисковскому и П.П.Ефименко поставить вопрос о существовании степной историко-культурной области в верхнем палеолите. После обнаружения здесь авторами в 1988-1993 гг. четырех хозяйственно-бытовых комплексов, подтвердился тезис ученых о сезонном характере охоты на бизонов. Открытие ОПО и В.И.Красковским нового пласта мезолитических местонахождений позволило В.Н.Станко выделить гребениковскую культуру. На основании разведочных данных П.И.Борисковский сделал вывод о различной топографической привязке памятников позднего палеолита и мезолита, который также подтвердился.

Кроме того, исследования ОПО создали необходимую почву для появления и становления местных специалистов-«каменщиков», стали хорошей школой для целого ряда ведущих археологов. В составе ОПО в разные годы работали Г.Ф.Коробкова, Л.П.Хлобыстин, В.И.Красковский, Н.А.Кетрару, В.Н.Станко, Н.К.Анисюткин, Г.В.Григорьева, В.И.Беляева, Э.А.Ашрафиан, Э.И.Диамант, А.Г.Загинайло, А.А.Кравченко, А.М.Кремер, Э.Ф.Патоква, В.П.Цыбесков, И.Т.Черняков, Т.Н.Дмитриева, С.П.Смолянинова и др. Раскопки Б.Аккаржи посетили М.М.Герасимов, Т.С.Пассек, Е.К.Черныш, А.Г.Сальников и М.С.Синицын (1959 г.), С.Н.Бибиков и П.О.Карышковский (1961 г.). Благодаря деятельности ОПО, бессменным начальником которого был П.И.Борисковский, и его последователей, Северо-Западное Причерноморье стало одним из наиболее важных регионов для изучения каменного века Европы, в котором в настоящее время известно более 250 палеолитических и мезолитических местонахождений.

А.А.Синицын
(ИИМК РАН, С-Петербург)

Костенки 17 (II). Видовая атрибуция и проблема аналогий

Атрибуция инвентаря нижнего культурного слоя Спицынской стоянки (Костенки 17) приобрела первостепенное значение в контексте проблем раннего верхнего палеолита Восточной Европы после получения серийных радиоуглеродных датировок для памятников I хронологической группы Костенковской схемы.

В дискуссии 50-х годов, определение его таксономической позиции имело значение не столько для оценки структуры палеолита Восточной Европы, сколько для оценки возможностей тогдашнего уровня методологии. Трудно найти лучший пример показывающий, что значение явления определяется контекстом его анализа, напрямую зависит от совокупности связей и отношений, в которой оно анализируется.

П.И.Борисковский, в основе системы оценок которого положение о датирующем значении археологического материала занимало принципиальное место, считал его мадленским и рассматривал в мадленском контексте; А.Н.Рогачев – в контексте стоянок I хронологической группы костенковской схемы, наряду с памятниками стрелецкой археологической культуры. В первом случае, специфика Костенок 17 (II) сводилась к украшениям, категории всегда специфической, а кремневый инвентарь рассматривался как обычный в данном контексте; во втором, коллекция памятника признавалась уникальной по всем компонентам, определялась как «не имеющая аналогий», как единственный представитель «спицынской» археологической культуры.

По мере накопления данных, в первую очередь, радиометрических, древняя хронологическая позиция памятника получила дополнительные подтверждения и в настоящее время сомнению не подвергается. Проблема определения его видовой принадлежности, напротив, благодаря хронологической доминанте в современной культурной диагностике археологии палеолита, получила свое дальнейшее развитие. Возможность мадленской атрибуции столь древнего материала была исключена априорно.

До абсолютных датировок памятника, когда была ясна только его относительная древность, Я.К.Козловский рассматривал материалы нижнего культурного слоя Спицынской стоянки внутри общеевропейского круга граветтских индустрий. После появления древних дат и установления нижней границы граветта Европы на уровне 28-29 тыс.лет, к определению была добавлена приставка «прото-». После того как древние даты I хронологической группы Костенок стали серийными, спицынская культура фигурирует у этого автора как автономная единица таксономии раннего верхнего палеолита на одном уровне со стрелецкой культурой, селетом, кагельперроном, линкомбом ...

М.В.Аникович отнес материалы Костенок 17 (II) к ориньякскому кругу («ориньякскому пути развития»). В отличие от двух первых точек зрения, которые были только декларированы, это мнение аргументировано и аргументировано достаточно детально.

Разнообразие позиций, само по себе, является свидетельством их уязвимости, по крайней мере, в двух отношениях: 1) в отношении

критериев типологического анализа, и 2) в отношении критериев определения видовой принадлежности материала.

По обоим наблюдается чрезвычайно широкий спектр расхождений. Если в классических работах Д.Сонневиль-Борд количество обязательных маркеров видовой принадлежности индустрий являлись 5-6 типов орудий, то теперь их 1-2. Остальные факультативны. Для ориньяка это высокие формы скребков (при достаточно свободном использовании этого критерия), для граветта – наличие граветтских острий во всем разнообразии их модификаций, для мадлена рамки варибельности критериев еще шире и определяющим признаком, чаще всего, признается костяной инвентарь. При этом, проблема видовой принадлежности конкретного материала, на практике, возникает достаточно редко. В большинстве случаев, она решается однозначно, и, как правило, сомнений не вызывает. Исключения есть, и ситуация с Костенками 17 (II) является наиболее выразительным примером этому.

По своим технико-типологическим показателям (первичное расщепление, типологический состав, приемы вторичной обработки) индустрия нижнего слоя Спицынской стоянки не может быть определена ни как ориньякская, ни как граветтская. Не является она и мадленской *sensu stricto*, но из существующих вариантов, этот имеет более высокую степень допустимости.

В относительно недавнее время проблема возраста мадленского комплекса в Западной Европе получила неожиданное развитие благодаря серии необычно древних дат для наскального искусства бесспорно мадленского стилистического облика пещер Шовэ и Коскер. Большинство специалистов их отвергает и для этого есть достаточно оснований. Тем не менее, проблема существует.

Обоснованность выделения спицынской археологической культуры сомнений не вызывает. Проблема состоит в ее изолированности в рамках раннего этапа верхнего палеолита Восточной Европы.

Г.В.Синицына
(ИИМК РАН, С-Петербург)

Проблемы мезолита Восточной Европы в работах П.И.Борисковского

1. Начиная с 50-х годов, когда была развернута дискуссия о правомерности выделения мезолита как отдельной исторической эпохи археологической периодизации, эта проблема постоянно присутствовала в работах П.И.Борисковского. Тогда это связывалось с проблемой характера исторических процессов в первобытности.

То есть археологическая периодизация рассматривалась как часть периодизации общеисторической, куда кроме археологической входили, по крайней мере, социологическая (в виде периодизации Моргана-Энгельса) и экономическая.

В отличие от двух последних, где проблема решалась на уровне теории, в археологии, решение проблемы периодизации всегда связывалось с эмпирическими исследованиями. Для П.И.Борисковского [1966] основными практическими следствиями общей проблемы были два вопроса: характер культурных влияний и механизм генезиса. Предполагалось, что в предшествующую и последующие эпохи, эти моменты имели иные качественные характеристики.

2. Для понимания характера исторических процессов важен вопрос об условиях в которых они происходили. Для мезолита это совпадает с рубежом плейстоцена-голоцена, временем резких климатических изменений, в которых, с полным основанием, можно видеть причину резких изменений в экономике древнего населения, и, через это, в его материальной культуре.

Хронологические рамки раннего мезолита, предложенные П.И.Борисковским, для ряда стоянок, подтверждаются современными исследованиями.

Принципиальное значение в дискуссии имели материалы стоянки Борщево 2, три горизонта которой, по П.И.Борисковскому, соответствовали переходу от палеолита к мезолиту: «Только последний этап развития позднепалеолитической культуры (боршевская ступень П.П.Ефименко) отличается от всех предыдущих новыми формами хозяйства, поселений, жилищ. Этот этап открывает собой переход к мезолиту и в то же время переход к новому этапу развития первобытного хозяйства».

Важно обратить внимание на хронологию, предложенную П.И.Борисковским. Именно он первый указал на их относительно молодой (в рамках костенковской группы стоянок) возраст Борщево 2, что в настоящее время получило подтверждение 11 радиоуглеродными датами,

Материалы стоянки Един Бор до сих пор трактуются исследователями по-разному. По П.И.Борисковскому (совместно с М.В.Воеводским [1937]), это однослойная стоянка, где «представлены все категории кремневых орудий, характерные для свидерской стадии». Позднее М.В.Воеводский [1950] на основании типологического анализа датировал ее средним мезолитом. А.А.Формозов [1954] видел ее сходство с тарденуазскими стоянками Польши, Л.В.Кольцов [1966], выделил на памятнике три культурных горизонта и, на основании характеристики материалов нижнего слоя, считал его самым ранним среди мезолитических стоянок.

3. Проблемы развитого мезолита в работах П.И.Борисковского [1975] отражены при характеристике материалов стоянки Казанка

близ Кривого Рога, которая была открыта и исследована им совместно с Г.В.Григорьевой. Геометрические микролиты в бассейне правых притоков Днепра до этих работ практически не были известны. Стоянка была отнесена к тарденуазской стадии развития мезолита, ближайшие аналогии ей исследователи видели в материальной культуре стоянки Гребеники. В настоящее время здесь выделена гребениковская культура, существовавшая в бореальный период.

Решение проблем мезолита, которые поднимал в своих работах П.И.Борисковский, находят подтверждение в последующих исследованиях.

А.Д.Столяр

(С-Петербургский Гос. Университет)

Перечитывая статью П.И.Борисковского и С.Н.Замятнина «Габриель Де Мортилье»

Этот историографический этюд [ПИДО №7-8, 1934: 88-107], во многом сохраняющий свою научную ценность, представляет замечательный документ идейного сотрудничества двух ведущих исследователей палеолита СССР в начале их творческого пути. Он содержит совершенную по уровню и охвату явлений аналитическую информацию по сложной фигуре основоположника науки о палеолите и последующей судьбе эволюционистской палеоэтнологии. Вместе с тем, в случае обращения мысли читателя к сравнительной общей оценке программной практики современного палеолитоведения в генетической перспективе его почти полуторавекового развития выявляются, на наш взгляд, обычно не замечаемые глубокие следы отрицательной наследственности в определении гуманитарной миссии дисциплины. Уяснение ущербных для установок историзма атрибуции артефактов «пережитков» начального этапа науки (см. ниже), подсказанное давней статьей, свидетельствует ее не утраченное значение и немалый идейный ресурс. Практически это побуждает рекомендовать смене палеолитчиков внимательное чтение работ даже «делювиального» возраста.

Начать наши «заметки на полях» статьи уместно с этико-нравственного сюжета – столь же значительного в каждой исследовательской акции, как и обычно никак не выявляемого и не фиксируемого. Здесь очень показательно исполнение единой по замыслу историко-теоретической дешифровки талантливыми индивидуальностями, различающихся характерами, складом мышления, выражением себя. Они были настолько непохожими во всем, что знавший их без особого труда в тонких нюансах текста

опознает «почерк» С.Н.Замятнина (скрупулезный разбор разысканных с немалым трудом фактов), в других – П.И.Борисковского (теоретические обобщения, сопряженные с анализом направлений и школ, да и общеполитической атмосферой). Наверное, мы именно П.И. обязаны инициативой исполнения статьи, поскольку представляем с каким трудом у С.Н. – постоянно напряженно думающего, но обычно упорно сопротивлявшегося публикационному завершению – добывался материал для печати. Знаменательно, что содружество этих ученых, вопреки всем превратностям их явно нелегкой жизни (прежде всего, разделяющим их совершенно различным контекстам отношения с «патриархом» дисциплины – П.П.Ефименко), продолжалось до кончины С.Н.Замятнина.

В начале 30-х гг., когда писалась разбираемая статья, основной труд Г. де Мортилье [«Доисторическая жизнь». СПб., 1903] был «одной из настольных книг» палеолитчика [ук. соч., с.88].

В личных качествах Мортилье, зримо передаваемых его бурной политической деятельностью, особая роль принадлежала высокой эмоциональной энергетике. В сферу только зарождавшейся «доистории» он буквально ворвался в середине 60-х годов XIX века, продолжив на волне естественного эволюционизма (согласно французской терминологии – трансформизма), торжествующего в сознании европейского общества, начальные поиски Буше де Перта, Э.Ларте, Ф.Гаригу, направленные на опознание «допотопных» реалий.

Габриелю де Мортилье с полным правом, единолично принадлежит роль основоположника палеолитоведения. В итоге его напряженной 30-летней деятельности в этой области (работ Мортилье по отдельным темам постпалеолитических культур авторы статьи касаются лишь попутно) им были заложены прочные основы научного изучения палеолитических материалов, подытоженные системой археологической периодизации закономерного развития индустрии культуры. В отличие от пионерских работ Э.Ларте (раскопки в пещерах Масса, Ла Мадлен и других в 1860-1864 гг.), стремящегося обусловить периодизацию эпохи троглодита (т.е. верхнего палеолита) палеозоологическими показателями, Мортилье не только охватил своим опытом весь палеолит (даже, надо заметить, с его несколько тенденциозном углублением в третичный период). Не менее существенно то, что он источниковедчески прочно обосновал свое построение, прежде всего, авторской реконструкцией процесса развития индустрии камня – самого значительного явления, внесенного рождавшимся человечеством в материальный мир Земли. Им на сериях артефактов «весомо и зримо» выделялись критерии преднамеренного раскалывания и обработки, специфическая технология, руководящие формы и тенденции их преобразования. Синтез показателей такого сугубо конкретного анализа был

осуществлен в предметной характеристике выделенных Мортилье эпох плейстоцена по ведущим типам индустрии. Тем самым была решительно сокрушена правомочность в этой области знания спекулятивного дилетантизма (свободных любительских рассуждений по принципу «Porçoi pas?»). Константной нормой палеолитоведения стала обязательная атрибуция артефакта на основе все более обогащающегося арсенала методик.

Однако такая исключительно фундаментальная персональная заслуга Мортилье никак не должна маскировать другую сторону его научной биографии, неизбежно приведшую к отрицательным для познания последствиям. Он был человеком своего времени не только «вообще»: его зрелый менталитет специфически формировался как всем руслом исследовательского генезиса, так и, в немалой мере, психологическим наследием юности, внедрившим в его эмоциональные доминанты гиперболизированно эмоциональный атеизм.

Археология камня привлекала внимание Мортилье в 1862 г., а его первые научные публикации (до 1864 г.), посвященные темам зоологии, обозначили научную колыбель будущего лидера палеоэтнологии – адепта естественного эволюционизма, можно сказать эталонного для второй половины XIX в. «археолога-натуралиста».

Палеоэтнология как система взглядов представляла «доисторию» (нередко тогда именуемую «antehistoire» – т.е. «протоисторию» – что более точно соответствовало ее логике) в полном отрыве от общественно-социальных наук, в качестве очень близкой к геологии дисциплины, фиксирующей физически прогрессивное, осуществляемое без скачков развитие по фатально объективным законам органического мира. Самодовлеющее изменение орудий труда якобы осуществлялось механически, подчиняясь, «как и все в природе, великому закону эволюции», автоматическому правилу постепенно прямолинейного развития.

Позиция Мортилье по критической в эту пору мировоззренческой дилемме происхождения человека отличалась наступательной категоричностью в отстаивании симиальной теории дарвинистского авангарда. Им отрицалась исключительность акта становления человека; этот феномен трактовался как «нормальное», чисто биологическое по действующим факторам явление, полностью вписывающееся в нормы развития животного мира и поэтому в качестве предмета изучения исчерпывающе охватываемое палеонтологическим изучением. Полное соответствие в этой части взглядов Мортилье элементарной классике биологического эволюционизма наглядно подтверждается предложенной им (независимо от модели «питекантропа» Э.Геккеля) схематической реконструкцией «антропопитека» – среднеарифметического промежуточного существа между обезьяной и *Homo erectus*.

В духе строгого канона предельной биологизации всего палеолитического прошлого человечества Мортилье лишает всю эту колоссальную эпоху развития сознания, коллективизма бытия и длительного генезиса социальной структуры. Поразительно нарочитое игнорирование им уже существующих фундаментальных палеознографических обобщений как основания для возможно ретроспективного выявления отзвуков верхнепалеолитического уклада жизни. Такой теме во всем классическом томе Мортилье посвящено всего несколько строк (в начале палеолита- жизнь парами, в конце – маленькими сообществами), а общим двигателем человеческих отношений объявляется, совершенно в духе великой Энциклопедии «совершенствование нравов и обычаев».

Биологизаторская тенденциозность взглядов Мортилье дополнительно обострялась чрезмерно атеистической догмой, сопряженной с тенденцией отрицания в принципе духовно-творческой деятельности четвертичного сапиенса. Такой субъективизм особенно контрастно проявился в трех развиваемых им сюжетах, в дальнейшем сопряженных с катастрофическим для палеолитологии фиаско, активно использованным клерикальными кругами в науке.

Первый из них был представлен проблемой третичных эолитов. По замыслу Мортилье установление их связи с деятельностью человека исключительной древности наносило особый удар по всей библейской хронологии.

Второй сюжет касался аутентичности палеолитических погребений. Габриель де Мортилье, а затем его сын Адриан с таким упрямством отрицали все более убедительные факты существования погребальной практики в палеолите, что подобная окостенелость мысли была определена в печати «хронической болезнью семейства Мортилье».

Третья ситуация – утверждение в периодизации Мортилье прямого перехода от мустье к солютре – мировоззренчески менее рельефна, чем уже представленные. Логически же она восходит к той же тенденции. Пропуск ориньякского звена был не столько следствием бедности начальной источниковедческой базы, как диктовался интересами построения модели прямой автохтонной эволюции.

В порядке оправданного дополнения к приведенному в статье реестру следует приобщить драматическую историю открытия и мучительной атрибуции ярких памятников пещерного анимализма – явления никак не вписывающегося в прокрустово ложе биологизации всей ледниковой культуры. В принципе концепция Мортилье не могла признать реальным ни один факт изобразительного творчества в культуре палеолита. Однако открытия при раскопках в пещерах произведений малых форм в

стратиграфически бесспорных условиях вынудили его уже в конце 60-х годов согласиться с таким сюрпризом.

Зато позднее со всей свойственной ему эмоциональностью он, не вникая серьезно в материалы памятника, обрушился на «украшенную» пещеру беззащитного Саутуолы. Совершенно уверенный в акте клерикальной фальсификации, он сформировал свой приговор: «...это мистификация ...Это не больше чем фарс, настоящая карикатура, созданная для того, чтобы вдоволь посмеяться над слишком легковверными палеоэтнологами...» (письмо Э.Картальяку от 18 мая 1881 г.).

Расплата за такую миссию высокого вдохновителя могильщиков Альтамиры пришла посмертно через 20 лет, одновременно с открытиями в пещерах Везеры – Комбарелль и Фон де Гом. Реабилитация и триумф Альтамиры обозначили, пожалуй, самое катастрофическое поражение школы Габриеля де Мортилье.

* * *

Обращение к историографии конкретного сюжета, либо деятельности ученого не столько представляет некую самоцель, сколько открывает наиболее надежный прием оценки нашего продвижения в определенном направлении сравнительно со временем осуществления изучаемой работы. Размышляя об исследовательском наследии Мортилье, мы, следует признать, готовимся к опытам обобщенной диагностики современного состояния археологии камня.

Определяя исходные позиции такого анализа, уместно обратиться к глубоким оценкам начального палеолитоведения, данным Тейяр де Шарденом [«Феномен человека». М., 1987: 175-176]. Тезисно они сводятся к следующему: первые эволюционисты исключали развитие разума из исследования происхождения человека; в их поле зрения находилась только соматическая (т.е. телесная) сторона процесса; игнорируя интеллектуальный фактор, «...они находились еще на полпути к истине».

Предварительно осмелюсь заметить, что, по моему мнению, при всех достижениях и успехах палеолитоведения в последние десятилетия, оно никак не преодолело давний барьер, не осилило первых шагов на второй части пути. Латентно биологизированная основа всей исследовательской программы продолжает свое незыблемое бытие.

О времени освоения человеком восточноевропейского приледниковья

Палеолитические памятники приледниковья Восточной Европы сосредоточены в двух районах: на Десне у западной окраины Среднерусской возвышенности и на Дону у восточной. Палеолит Десны и ее притоков Судости и Сейма изучается почти 100 лет, с открытия в 1908 г. стоянки Мезин, и представлен многочисленными памятниками второй половины эпохи позднего палеолита, а с конца 30-х гг. стали известны и датированные средним палеолитом.

В 1938 г. открыто Чулатово III, где на бичевнике и в перемытой морене в раскопе собран кремневый инвентарь мустьерского облика вместе с костями мамонта и носорога. В 1939 г. выявлены местонахождения: Араповичи – остроконечник на осыпи ниже морены, Язви – скребло ниже морены, Ореховый лог – фрагмент двусторонне обработанного орудия найден на поверхности, Неготино – на бичевнике и в шурфе под мореной собран расщепленный кремь. В 1958 г. открыто обширное мустьерское местонахождение Хотылево I, в перемытой морене находился многочисленный кремневый инвентарь с крупными сериями орудий, а также кости мамонта, носорога и других животных. В 1961 г. на местонахождении Комарня, на месте каменоломни и в шурфе в слое аллювия обнаружен расщепленный кремь вместе с костями мамонта и носорога, а в пункте Долгий ров на поверхности найдено ручное рубильце. В 1971 г. открыта стоянка Бетово, культурные слои сохранились *in situ*, получен многочисленный кремневый инвентарь, соответствующий развитому мустье, а также кости крупных животных, мелких грызунов и птиц. В 1973 г. открыта многослойная стоянка Коршево I, нижний слой залегает на поверхности мела в гумусированном основании лессовой толщи, сохранился *in situ*, кремневый инвентарь включает крупные ручные рубила. В 1974 г. открыта многослойная стоянка Коршево II, нижний слой лежит на поверхности мела в основании лессовой толщи, сохранился *in situ*. На центральной части выявлен очаг с углубленным основанием, вокруг которого размещались крупные изделия с двусторонне обработанным краем. Собран многочисленный кремневый инвентарь. В том же году открыто местонахождение Лебедевка, не имеющее стратиграфической привязки, кремневый инвентарь мустьерского облика. Памятник относится к категории мастерских. В 1975 г. открыто местонахождение Неготино на Руднянке, где в зачистках и в раскопе выявлен уровень перемытой морены, в нижней ее части содержался кремневый инвентарь с выраженными чертами архаизма. В 1981 г. продолжено исследование местонахождения

Неготино. В широкой зачистке выявлен уровень перемытой морены, с которой связан кремневый инвентарь, отличающийся общей архаичностью. Перечисленные памятники соответствуют мустьерскому времени, но те из них, которые связаны с отложениями перемытой рисской морены и обладающие кремневым инвентарем с архаичными чертами, могут быть датированы и домустьерским временем — поздним ашелем.

Палеолит бассейна Дона отличается территориальной компактностью и многослойностью большой группы стоянок. Изучение ведется более 120 лет с открытия в 1879 г. стоянки Костенки I (Стоянка Полякова). Почти все стоянки на Среднем Дону сосредоточены в пределах двух смежных сел Костенки — Александровка и частично в соседнем селе Борщево. Многослойных стоянок 10, включающих от 2 до 5 слоев и 16 однослойных. И еще стоянка Гагарино на Верхнем Дону и Масловка на его левом притоке р. Воронеж. Основная часть стоянок Дона датируется первой половиной эпохи позднего палеолита, а позднепалеолитические стоянки бассейна Десны связаны со второй половиной этой эпохи. Временной контакт и тех, и других представляют однокультурные стоянки Костенки I — Гагарино и Хотылево II — Авдево.

Почти все стоянки бассейна Дона находятся на второй надпойменной террасе, сложенной лессовидными суглинками, и в небольшом количестве на первой. Стоянки раннего этапа эпохи связаны с двумя уровнями ископаемых гумусов в основании толщи суглинков, стоянки среднего этапа залегают в вышележащей толще суглинков и немногочисленные стоянки позднего этапа в основном приурочены к первой надпойменной террасе. Группа ранних стоянок (Костенки I — 5 слой, Костенки VI, Костенки XI — 5 слой, Костенки XII — 1а и 3 слой) объединяется в самостоятельный костенковско-стрелецкий вариант позднепалеолитической культуры, для кремневого инвентаря которого характерна общая архаичность с определенно выраженными мустьерскими чертами. Эти признаки находят аналогии в мустье Десны и в частности в материалах стоянки Бетово, что и свидетельствует о преемственности позднего палеолита и среднего на территории восточноевропейского приледниковья.

Содержание

АБРАМОВА З.А. Об одном забытом открытии П.И.Борисковского	5
АМИРХАНОВ Х.А. К проблеме «палеолитической деревни» в костенковской культуре	8
АНИКОВИЧ М.В. «Степная зона» – одна из трех ИКО верхнего палеолита Восточной Европы	10
АНИСЮТКИН Н.К., ТИМОФЕЕВ В.И. Некоторые проблемы каменного века Вьетнама	13
АСТАХОВ С.Н. Участие П.И.Борисковского в изучении каменного века Тувы	15
АХМЕТГАЛЕЕВА Н.Б. Обработка кости на верхнепалеолитической стоянке Быки-7 Курской области	18
БЕЛАНОВСКАЯ Т.Д. Памяти Павла Иосифовича Борисковского	22
БЕЛЯЕВА В.И. Модельные элементы стоянки Пушкари I	24
БУЛОЧНИКОВА Е.В. П.И.Борисковский и французские коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ	26
ВАСИЛЬЕВ С.А. П.И.Борисковский и развитие методики полевого исследования палеолитических памятников в России	28
ГАВРИЛОВ К.Н. Археологический контекст сунгирских погребений ...	31
ГРИГОРЬЕВ Г.П. П.И.Борисковский на фоне социальной психологии первой половины XX века	33
ГРИГОРЬЕВА Г.В. О времени существования верхнепалеолитических памятников Поднепровья	38
ДЕМИДЕНКО Ю.Э. Сюрень-I (Крым) и степная зона верхнего палеолита юга Восточной Европы	39
ЖЕЛТОВА М.Н. К вопросу о значении специфических типов	42
ЛАЗАРЕВСКАЯ Н.А. Материалы П.И.Борисковского в фотоархиве ИИМК РАН	44

ЛИСИЦЫН С.Н. О культурной преемственности памятников рубежа плейстоцена и голоцена в Верхнем Поднепровье	47
ЛЮБИН В.П., БЕЛЯЕВА Е.В. Макро-орудия как показатель этапов первоначального расселения гоминид из Африки в Западную Азию .	50
МАТЮХИН А.Е. Мустьерские индустрии памятников долины Северского Донца	53
МАЦКЕВОЙ Л.Г. Вклад П.И.Борисковского в изучение каменного века Запада Украины	55
НЕХОРОШЕВ П.Е., ВИШНЯЦКИЙ Л.Б. О возрасте культурных слоев палеолитической стоянки Шлях	57
ПРАСЛОВ Н.Д. Использование различных костей мамонта в верхнем палеолите Русской равнины	59
ПРИТУЛА Ю.Ю. О стратиграфии Староселья	64
САПОЖНИКОВ И.В., САПОЖНИКОВА Г.В. Полевые исследования П.И.Борисковского в Северо-Западном Причерноморье	67
СИНИЦЫН А.А. Костенки 17 (II). Видовая атрибуция и проблема аналогий	69
СИНИЦЫНА Г.В. Проблемы мезолита Восточной Европы в работах П.И.Борисковского	71
СТОЛЯР А.Д. Перечитывая статью П.И.Борисковского и С.Н.Замятнина «Габриель Де Мортилье»	73
ТАРАСОВ Л.М. О времени освоения человеком восточноевропейского приледниковья	78

Отпечатано в ООО «АкадемПринт».
С-Пб. ул. Миллионная, 19 Тел.: 315-11-41.
Подписано в печать 23.05.01.
Тираж 150 экз.